

Максим Михайлов

Трилогия «Время и пространство»



Сергей Крайнев, «Парус. Потерянный звездолёт».

**... настоящего, по существу, нет, есть только процесс
перехода будущего в прошлое.**

Иван Ефремов, «Час быка».

Оглавление

От автора.....	3
Рассказ «Выбор».....	4
Повесть «Парус».....	19
Рассказ «Бет Лон».....	54

От автора

Произведения, размещённые в данном сборнике, объединены в трилогию под названием “Время и пространство”. Каждое из них посвящено разным временным отрезкам и пространственным меткам в вымышленной вселенной художественных произведений Ивана Ефремова. Действие рассказа “Выбор” происходит в далёком будущем относительно времени действия романа “Час быка”, в повести “Парус” описаны события, произошедшие за восемьдесят пять лет до событий романа “Туманность Андромеды”, а рассказ “Бет Лон” посвящён жизнеописанию учёного Бета Лона, ставившего жестокие эксперименты тридцатью двумя годами ранее Тибетского опыта Мвена Маса.

Приведённые здесь истории, на первый взгляд, совершенно не связаны друг с другом. Однако, предлагаю читателям самим определить, каким образом объединены эти неординарные приключения в созданном воображением автора фантастическом мире.

Приятного прочтения!

Ваш Максим Михайлов

Выбор



Волны южного моря, накатываясь на прибрежную полосу песка, ласково касались голых ступней. Мир Креп сидел в задумчивости, подбрасывая в руке гладкий камешек. Мысли его были далеко.

Снова, как и тысячелетия назад, вставал вопрос, как поступить, какой выбор сделать. Совет не дал согласия на опыт, хоть в глазах Гора Кама Мир и разглядел печаль. Они словно говорили: «Я был бы счастлив вам поверить, но судьбы людей важнее прогресса науки».

Да, это так. Со времён Мвена Маса прошло три тысячелетия, человечество полностью обустроило солнечную систему, колонизировало несколько сотен планет, но не смогло не только проникнуть сквозь толщу Тамаса - Антимира, но даже взглянуть, что происходит там, внутри. Звездолёты Прямого Луча легко преодолевают колоссальные расстояния, оказываются в любой точке Вселенной, но не способны даже на миллиметр погрузиться в тёмную бездну антивремени и

антипространства. Помочь это сделать смогут его знания, его эксперимент, который опять пройдёт тайно, как и предыдущие опыты Бета Лона и Мвена Маса.

Миру Крепу стало плохо. Да, он всё предусмотрел. Да, он выбрал астероид на орбите дальше Плутона, да, в его эксперименте участвуют не сотни людей, а лишь с десятков – верных, отважных друзей, готовых жизнь отдать за исполнение Мечты. Но всё же стоит ли это той ничтожной крохи знания, которую они получают, да и получают ли? Нельзя ведь исключать и вероятность, что их опыт... нет, его опыт, ответственность лежит прежде всего на нём, вызовет аннигиляционный взрыв, который поглотит Солнце со всеми планетами, в том числе и Землёй. Да, эта вероятность ничтожно мала, но уже давно даже незначительные препятствия стали учитывать и запрещать рискованные мероприятия...

Мир поднял глаза. Закат в экваториальной области был красив. Солнце пылало огромным огненным шаром, касаясь линии горизонта и окрашивая небо в приятный розовый цвет. Море было спокойно, лишь лёгкие невесомые волны слегка будоражили его поверхность. Такой же спокойной была и жизнь на Земле... Мир размахнулся и со всей силы бросил камешек, который прочертил пологую дугу в воздухе и со всплеском разрезал гладкую зеленоватую поверхность воды.

Нежные руки ласково коснулись шеи Мира, обняв его за плечи. Креп повернул голову и встретился глазами с молодой девушкой, лицо которой было так ему знакомо. Вета!

– Что ты делаешь здесь, милый? – голос Веты, бархатистый и нежный, целебным бальзамом успокоил натянутые нервы Мира. Он, как и все люди Эры Встретившихся Рук, старался контролировать свои эмоции, и даже чуткая Вета не всегда могла определить изменение состояния его души. В религиозных и идеалистических представлениях старины душой называли бесплотное

существо, остающееся после смерти человека. Мир усмехнулся. Если бы они знали, что такое душа в действительности...

– Вета, я рад видеть тебя. Вы закончили свою работу в лаборатории магнитных полей?

– Да, милый, и я захотела увидеть тебя. После напряжённой работы ничего нет лучше встречи с любимым, – молодая девушка лукаво улыбнулась, и эта улыбка зажгла мириады огоньков в сердце Мира. Он вскочил с песка, подхватил Вету на руки, тут же, смутившись, поставил её на землю. Их губы соприкоснулись, Мир почувствовал тёплое дыхание своей возлюбленной, которая прижалась к нему телом, положив голову на его могучую грудь.

– Так что тревожит тебя, любимый?

Мир молчал. Они с Ветой знакомы давно, ещё со времени совместной работы в лаборатории. Сейчас Мир ушёл, ушёл ради того, чтобы, став «вольным художником», побыть в одиночестве и обдумать во всех деталях свой рискованный план.

Вета Милла стала его руководителем, когда он, совсем ещё юный, впервые пришёл в её лабораторию, занимающуюся совершенствованием генераторов магнитных полей, так в своё время помогших экипажу «Тёмного Пламени» в его безмерно опасном путешествии...

Любовь не возникла с первого взгляда. Очень долго Вета и Мир были только добрыми друзьями, помощниками в деле, которому посвящали жизнь. Постепенно Мир стал видеть в Вете не просто друга, но человека, близкого ему и способного понять все его тайные мечты и желания. В Эру Разобщенного Мира не поняли бы такую любовь, ведь она выросла из ответственности и совместного понимания общности пути, а не обычной влюблённости...

Вета была красива, как и все женщины Земли. Её внешность, несмотря на строгость и твердость, впечатляла гармонией осуществлённого идеала...

Золотистые волосы до плеч, серо-зелёные глаза, способные увести за собой в омут... Мелкие, чеканные, но вместе с тем светящиеся какой-то внутренней мягкостью черты лица; крепкое, твёрдое, но очень гибкое и женственное тело, стройные ноги, отточенные до блеска уроками танца и ежедневными упражнениями, без которых немыслима жизнь человека Земли. Вета, милая Вета...

– Я думал о том, стоит ли нам проводить опыт. Это очень опасно и могут погибнуть наши друзья, с которыми мы работаем много лет, можешь погибнуть ты, не исключена вероятность и гибели всего человечества!

– Что же ты забыл о себе, Мир. Ты ведь тоже можешь погибнуть!

– Да, но моя смерть ничто. Главное – судьбы других людей, за которые я несу огромную ответственность.

– Они сами готовы пойти на это, Мир, - голос Веты был печален. – И я готова. Любовь может быть только в совместном пути, и я сама выбрала этот путь – добровольно, понимая, что он может быть и не усыпан цветами. Несмотря на то, что Земля создала комфортные условия для жизни общества и каждого конкретного человека в нём, до сих пор мы не ведаем покоя и готовы умереть ради исполнения светлых желаний. Главное, чтобы они были светлыми, Мир! А что касается гибели всего человечества... Мир, перед Мвенем Масом в свое время стоял тот же выбор, и он не обладал тем опытом и знаниями, что есть у нас. И тем не менее его эксперимент не повлёк за собой катастрофических последствий. Материя Тамаса не может быть настолько враждебной нашему миру, чтобы уничтожить то, что рождалось в муках миллиардами лет совершенствования. Я не верю в это, и чувствую, что всё будет хорошо. Великие дела вершатся на грани риска, но мёртвая материя не может быть сильнее живой мысли. Пойми это, Мир! Не разумом, но чувствами!

– Это так, Вета, но всё же меня не покидает чувство гнетущей тоски...

Вета взяла Мира за руки. Погладила его ладони, прижалась к ним щеками.

– Милый, ты напряжён. Тебе нужно отдохнуть, позволь, я тебе станцую?

Мир согласно кивнул головой, присел на тёплый песок, поджав под себя ноги. Вета умела восхитительно танцевать, её танец был шедевром великолепной пластики и ритма, вместе с тем не теряя живости и привлекательности женского эротизма. В мягких плавных движениях было столько скрытой силы, что даже Миру, изучающему в любви Вету очень давно, стало немного страшно. Свобода часто страшит, люди в прошлом почти всегда стремились убежать от неё, приспособившись к обстоятельствам жизни. Коммунистическое общество Земли давно ушло от навязывания людям шаблона жизненного успеха, дав им право самим решать, чего они хотят, к чему готовы стремиться. Выбор есть всегда, вопрос стоит в другом – правилен он или нет... Мир закрыл глаза.

Вета тоже старалась отвлечься при помощи танца от грустных мыслей, посещавших её всё чаще и чаще. Она, как и Мир, понимала разумом и ощущала душой свалившуюся на неё вместе с Мечтой невыносимую ответственность за судьбы других людей, за свою судьбу. Безответственные руководители прошлого никогда не задумывались над тем, сколько людей погибнет ради их параноидальных устремлений, ради жестокости и удовлетворения сиюминутных желаний, не испытывали ни угрызений совести, ни мучительных сомнений. Им с Миром сложнее всего. На них, как на лидеров по природе, выпадает тяжкая доля вести за собой людей, вести молодых ребят с горящими глазами, которые, тем не менее, вовсе не обязаны погибать ради той цели, которую сами не увидят, не почувствуют результатов, ведь их работа – всего лишь крупница, частичка большого целого. У них есть шанс осуществить задуманное, но оценить это смогут только потомки через столетия. Это начало, и нужно сделать выбор. Выбор всегда сложен, но без него не будет головокружительных открытий, не осуществить Мечту...

Вета посмотрела на своего возлюбленного. Он закрыл глаза, как будто спал. Милый, такой родной и близкий человек.

Вета неуловимым движением сбросила лёгкое платье, бесшумно подошла к Миру. Положив ладони на его веки, шепнула:

– Не печалься, любимый.

Мир обнял молодую девушку, их руки и губы соприкоснулись. Каждый человек Земли был способен отпустить себя в пламя страсти, быть свободным в любви, но в тоже время и не сгореть в ней. Вета и Мир растворились в звёздах чёрной глубины тропической ночи...

Утро застало их в тесных объятиях любви. Лучи солнца потревожили сладкий сон свободных людей Земли. Их обнажённые тела нисколько не смущали редких посетителей прибрежной полосы, занимающихся спортом либо просто наблюдающих за морем, приводя в порядок свои мысли и чувства. Земляне давно избавились от эротических предрассудков и понимали, что ничего постыдного в любви быть не может.

Мир проснулся раньше. Глядя на Вету, он впервые за всё их знакомство почувствовал, что пойдёт с этой женщиной до конца, что для них обоих уже не существует пределов и нет ничего невозможного. Он ласково провел ладонью по золотистым волосам Веты, вызвав у молодой девушки вздох удовольствия. Вета разомкнула веки.

– Сколько у нас времени, милый?

– Можно не торопиться, у нас около часа до планетолёта. Космодром совсем рядом, мы отправимся вместе с очередным рейсом на Тритон. Я уже договорился с местным пилотом, он сможет доставить нас на астероид. Наши ребята работают там со вчерашнего дня, заняты подготовкой оборудования.

Мир подумал, что подобное «самовольство» было бы невозможно в Эру Разобщённого Мира. Тогда человек находился под контролем всевозможных «инстанций», «смотрителей», и каждый его шаг отслеживался властями. Сейчас доверие приближается к максимуму, даже работающие на очень ответственных должностях люди никогда не находятся под постоянным наблюдением Советов, им даётся полная свобода действий. Таково одно из положений на Земле, зафиксированное в Законах. Это безусловный риск, потому что ошибки воспитания предсказать невозможно, но этот риск необходим, иначе люди будут находиться в плену шаблонного восприятия и лишатся творческого вдохновения. Всё же, даже в момент старта звездолёта «Тёмное Пламя» контроля на Земле было гораздо больше, чем сейчас...

Вета поднялась, сладко потянулась всем телом.

– Мир, пойдём искупаемся! Вода здесь потрясающе тёплая!

С громким смехом Вета бросилась в море. Мир догнал её, они поплыли к небольшому островку – даже не островку, а просто отмели на расстоянии нескольких сот метров от берега. Для тренированных пловцов преодолеть такое расстояние не составляло никакого труда, а хищные акулы и другие морские животные уже не встречались в океане близко от берега – за этим бдительно следили морские патрули.

Морская солёная вода благотворно повлияла на ещё не отошедшие от сна организмы. Мокрые пряди Веты касались высокой упругой груди, и Мир снова залюбовался её красотой. Вета отжала волосы привычным женским движением. Обсохнув, они оделись – Вета в серое платье с глубоким вырезом на груди, открывающее плечи и голые загорелые ноги, Мир в широкие белые шорты. До отлёта нужно было переодеться, поэтому они пошли к зданию лаборатории, располагавшемуся в паре километров от пляжа...

Находясь в кабинке волнового массажа, Мир подставил мышцы под приятное воздействие аппарата. Прозрачный материал стенок душевой позволял следить за Ветой. Она надела обычный комбинезон для межпланетных перелётов, хотя в современной технике можно было летать и без одежды. Но таково воспитание Эры Встретившихся Рук – внутренняя дисциплина человека для каждого была на одном из первых мест, и это позволяло исследователям Тайн не стать расхлябанными и не потерять интереса к работе.

Мир вышел из кабинки, быстро переоделся. Они захватили только самое необходимое – аскетизм был впитан с молоком матери – и, взявшись за руки, пошли к космодрому.

На стартовой площадке они не встретили больших скоплений провожающих – этот рейс был регулярным. Вокруг планетолёта стояло всего лишь несколько десятков людей – родственников техников, учёных, пилотов, отправляющихся в путь до Тритона, спутника Нептуна – космической базы Земли, традиционно встречающей звездолёты, возвращающиеся из глубин Вселенной. Мир и Вета спокойно прошли в планетолёт и заняли посадочные капсулы. Через несколько минут корабль плавно поднялся в воздух благодаря мощной тяге новейших двигателей, заменивших старые, просуществовавшие в течение тысяч лет. Новые позволяли достигать скорости в половину световой за счёт недавно открытой гравитационной энергии, способной конденсироваться в ёмкостях невероятно малого объёма. Пока что это были только первые шаги, в перспективе планировалось отказаться от громоздких и энергозатратных анамезонных моторов в пользу более компактной и совершенной техники.

Мир Креп поблагодарил пилота планетолёта, возвращающегося с Тритона на Землю, за то, что тот доставил его на астероид «Иван Ефремов», выбранный

смелой и безрассудной командой мечтателей для проведения рискованного эксперимента. Пилот был вовсе не обязан делать это, его маршрут пролегал совсем в другой области, но он, как всякий молодой романтик, пожелал помочь героям. Миру было совестно, что он втянул в свой замысел ещё и неповинного пилота, но он был убеждён в том, что в случае провала опыта Совет не накажет его. Наказанию подвергнется, скорее всего, только он, Креп, если, конечно, выживет...

Здание из толстого листового металла с перестроенной структурой атомов было возведено всего за неделю командой отчаянных смельчаков. Занимая по площади квадратный километр, высотой сто метров, оно было врезано в скалу так, что даже мощным воздействием не удалось бы расколоть его на несколько частей. Разорваться мог только сам астероид. Его диаметр составлял около тысячи километров, он был необычайно тяжёл и прочен, так как большей частью состоял из железа. Именно прочность астероида явилась главным критерием выбора, потому что выдержать ему предстояло колоссальные нагрузки...

Мир Креп несколькими прыжками достиг шлюза здания, где его уже ждала Вета в оранжевом скафандре.

– Чувствуешь себя первопроходцем? – голос Веты через переговорное устройство был немного искажён, что добавляло ему шарма и очарования. Мир попытался разглядеть её лицо через плотные светофильтры скафандрового шлема. Что чувствует? Неужели не боится? Неужели настолько уверена в успехе задуманного предприятия? Потрясающая девушка, вечно новая и вечно непознанная.

– Не пытайся, милый! – Вета рассмеялась, догадавшись о его желании. – Увидишь меня внутри.

И добавила:

– Не бойся, черта пройдена... Как бы нам этого не хотелось, уйти сейчас нельзя. Это будет трусостью, а трусом человек не может, не имеет права быть.

Внутри комплекса было тепло и сухо, едва заметно жужжала подготовленная аппаратура. Массивные конденсаторы энергии занимали почти половину всего пространства. Десятиметровые стены комплекса призваны были удерживать крышу здания в случае возможных неполадок оборудования во время проведения эксперимента. Непосредственно к стенам примыкали всевозможные слои обшивки, призванные сохранить необходимую температуру и способные смягчить внешние и внутренние удары. Теплоизоляционный и компенсирующий слои увеличивали толщину стен ещё на десять метров. Далее по периметру располагались колоссальные конденсаторы энергии для создания мощных магнитных полей. В центральной части здания располагались комнаты помощников Веты и Мира по опыту, каждая в отдельном секторе.

Установка связи с Антимиром представляла собой шар из прозрачного материала, окруженный пятидесятиметровым слоем магнитных полей, пока настроенных на минимальную мощность. Внутри шара должен будет оказаться кусок пространства Тамаса, как бы скопированный из места, которое путём сложнейших вычислений сумел рассчитать Мир. Помогла ему в этом теория асимметрии пространства, учитывающая сдвиг Антимира к обычному миру. Вселенная Тамаса – это не чёткое отражение нашей Вселенной, а немного искажённое, как в кривом зеркале. Однако шанс, что Вете и Миру посчастливится увидеть не просто кусок космоса, а хотя бы планеты, уже не говоря о разумных существах, был всё равно ничтожно мал – об Антимире не знали практически ничего, и расположение Галактик и звёздных систем можно было только угадать.

Мир и Вета оказались около смотровой комнаты, сдвинули в сторону массивную дверь, прошли внутрь. Комплекс специально не был оборудован электронной системой разблокировки, которая могла сломаться и оставить

смелых экспериментаторов на погибель, зажатými в здании, как в непробиваемом панцире, без единой возможности связи с землей из-за поломки передатчиков, если бы что-то пошло не так. Мир постарался предусмотреть всё. А Вета отвечала за мощность магнитного поля. Именно её усилиями удалось добиться того, что им разрешили «для работы» затащить на астероид весь имеющийся на планете резервный запас конденсаторов энергии для образования магнитных полей. Это была очередная ложь их плана. Мира передёрнуло, что не осталось без внимания его возлюбленной.

– Милый, не тревожься так. Всё будет хорошо.

Вета потянулась и заняла место в кресле напротив трёхмерной проекции изображения установки, создаваемой множеством бронированных камер. Между проекцией и креслом Мира располагался пульт управления, лишённый обычных на Земле сенсорных экранов, зато снабжённый тугими переключателями – даже от кнопок пришлось отказаться из-за стремления к максимальной надёжности конструкции. Мир недоумевал, по какой причине его далёкие предки никак не могли понять, почему в звездолётах будущего все приборы оборудованы тумблерами и рычажками вместо удобных сенсорных экранов. Всё дело в том, что предугадать всевозможные опасности межзвёздных перелетов было невозможно, и хрупкие сенсорные экраны (несмотря на значительное увеличение их прочности со времён ЭРМ), сломавшись в критической ситуации, лишали экипаж какой-либо возможности управления, контроля над кораблём.

– Друзья, всё ли готово для запуска? – голос Веты был непривычно строгим и твёрдым.

– Вета, Мир, оборудование готово. Координаты цели введены, осталось дать команду о включении магнитного поля на полную мощность, ведь после транспортировки фактически скопированного куска пространства Тамаса, его

физической копии, её нужно будет удержать. Кто знает, какую энергию способна излучать материя неведомого Антимира. Будьте осторожны!

– Обязательно, Лэт! – выкрикнул Мир.

– Запускаю! – спокойный голос Лэта Брата, инженера магнитных установок, вселил в Мира уверенность. Он внутренне сжался, не отрывая взгляда от голографической проекции находящегося там, за многометровой толщей прочнейшего материала, пространства. Шар, зажатый в тисках поля, почернел, внутри него образовалось что-то вроде миниторнадо. Оно закрутилось и завертелось, прыгая внутри корпуса с невероятной скоростью. Затем произошло что-то непонятное. Мир потёр глаза, но осознать, какого цвета было то, что он видел, никак не мог. Это была не пустота, не чернота, а что-то неосязаемое. Тяжёлое, гнетущее ощущение приближения смерти задавило Мира, он никак не мог понять, видит ли он происходящее в действительности или это его галлюцинации. В комнате не изменилось ничего: ни температура воздуха, стабильно поддерживаемая автоматами, ни освещение, но один вид Тамаса внушал ужас и повергал в оцепенение. Мир не мог повернуть даже головы, чтобы посмотреть на Вету – она чувствовала то же самое. Казалось, что голова Мира сейчас разорвётся – резкая боль пронзила мозг, несмотря на то, что экспериментаторы не снимали скафандров, оборудованных системой самой надёжной защиты. Перед глазами поплыли радужные круги... Мир оглох, полностью потерял возможность чувствовать хоть что-то, кроме боли, и ощущать тело. Казалось, что последняя капля жизни истекает из его организма...

Внутри шара внезапно сверкнули яркие молнии, а затем появилось «видение» (иначе назвать это было нельзя) – в инфракрасном спектре (установка была снабжена фильтром-преобразователем, который фиксировал малейшие изменения температуры и движения) возникло несколько дрожащих очертаний, смысл которых Мир всё никак не мог осознать. В голове у него шумело так, как

будто он вколол тяжёлый наркотик прошлых времён. Вместе с тем даже миллиметровое движение доставляло ему нестерпимую боль, как будто сквозь позвоночник был продет раскалённый стержень с острыми шипами, протянувшимися в руки и ноги.

– Спокойно, Мир, спокойно, – сказал он мысленно сам себе, огромным усилием воли сумел сначала не позволить себе задохнуться, потом запретил останавливаться сердцу, окутанному смертельным страхом – его этому учили на тренировках. Страшное, невыносимое желание самоубийства завладело им, но он сконцентрировался только на видении...

Постепенно пелена перед глазами стала проходить... Хорошо, что происходящее снимают не только памятные машины, но и спецконтейнеры – приборы, фиксирующие голографическое изображение на бронированный носитель. Возможно, и скорее всего, эффект связан с близостью антипространства (пусть и всего лишь вычлененной копии его), а не с тем, ЧТО Мир видит. Скорее всего! Держаться, Мир, ДЕРЖАТЬСЯ!!! Каково же приходится Вете, каково приходится их команде??? Заставить себя двинуть хотя бы пальцем... Нет!

Что же там видно? Похоже, субстанция Антимира висит под углом чуть меньше девяноста градусов – очень неудобно, голову-то не повернуть. Хорошо, постараемся произвести поворот мысленно – опять эта жуткая боль! Даже глаза не закрываются, чёрт!!! Ругательство древних времён жгло мозг, сквозь который словно просачивалась вулканическая лава.

Мир опять попытался сконцентрироваться на изображении. Это удалось лишь на мгновение, его мозг как будто кто-то включал и отключал, причём крайне изощрённым способом – ударами по голове! Как двадцать пятый кадр то вспыхивало, то пропадало это лежащее на боку видение – ведь была же мысль им

самим не присутствовать, не контролировать опыт, погрузив тела в анабиоз, но разве это в традициях смелых первооткрывателей???

На что же это похоже? Неужели... Да, это водопад. Станный. Вывернутый наизнанку, но Мир не видел – ОН ЧУВСТВОВАЛ (парадокс, ведь он ничего не чувствовал, кроме жуткой боли) что это водопад. Жидкость на неведомой планете текла медленно, её движение было практически не определить. Судя по скорости происходящих там процессов, при столкновении вещества нашего мира-Шакти и Тамаса произойдёт не аннигиляция, а превращение всего земного в глыбу абсолютно мёртвого вещества...

Мощнейший укол пронзил тело Мира насквозь, он едва удержался, чтобы не потерять сознания. При этом со стороны казалось, что ничего не происходит – экспериментаторы замерли, как камни, и немигающе смотрели сквозь прозрачные светофильтры шлемов.

И тут Мир увидел то, чего никак не ожидал увидеть, не мог предполагать и предсказать. На берегу неведомой реки непонятной планеты, обнявшись, лежали два существа. Понять их формы было совершенно невозможно, потому что преобразователь изображения давал странную картинку инфракрасного спектра, к которой добавлялись какие-то сверкающие вспышки. Происходящее действие Мир определял интуитивно, на уровне не разума, а эмоций. Существа были разумны. Двое Тамасиан любили друг друга. Их страстный призыв передался вибрирующими волнами на высоте чувственного восприятия человека. Их тела сплелись в эротическом экстазе, и находящийся на грани жизни и смерти Мир успел осознать это, прежде чем отключился...

Бета видела всё, и она поняла происходящее раньше Мира, но ввиду большей женской выносливости не потеряла сознание. Она знала, что, судя по показаниям приборов, прошло всего десять секунд, но это время казалось вечностью. Догадывалась, что пульт издаёт противные визгливые звуки,

свидетельствующие о перегрузке системы поддержания равновесия магнитных полей, и что если кусочек Тамаса не удастся выбросить сквозь огромное расстояние обратно, вся установка не выдержит и расколется астероид на части, а сами они превратятся даже не в пыль, а в ничто. У Рена Боза вывалились внутренности, а от них даже внутренностей не останется. Но она надеялась на то, что автоматическая защита приборов сработает...

Здание потряс толчок как при двенадцатибалльном землетрясении, шар внезапно просто схлопнулся сам в себя, и следом за этим отрубилось магнитное поле. Свет во всём комплексе погас, и за мгновение до этого Вета успела заметить, что опоры, на которых стоял шар, искорёжены так, словно они оказались внутри мощнейшего взрыва. Только бы остались целы спецконтейнеры, ведь это единственное доказательство удачного исхода их опыта...

Мира и Вету, еле живых после перенесенного потрясения, в состоянии комы доставили в спасательный планетолёт их помощники, часть из которых также чувствовала себя плохо, несмотря на большую толщину стен их комнат и отсутствие непосредственного энергетического контакта с материей Антимира. Об удачном результате опыта и отсутствии жертв при его проведении было сразу же сообщено Советам, а спецконтейнеры доставлены в Академию Пределов Знания для расшифровки. Двое смелых людей и их команда сделали выбор – рискнуть самой жизнью для расширения горизонтов Мечты, и их риск был единогласно поддержан всей Землёй. После тысяч лет дело, начатое Мвенон Масом и Реном Бозом, было продолжено. Правило «безумцам сопутствует удача» снова сработало!

Максим Михайлов, сентябрь-октябрь 2011 года

Парус.

**Научно-фантастическая повесть
(приквел романа Ивана Ефремова
«Туманность Андромеды»)**

*Парус! Порвали парус!
Каюсь, каюсь, каюсь...
Владимир Высоцкий*



Глава первая.

Поломка

— Что случилось?

— Повреждена кормовая часть корабля, пятый отсек.

— Пятый отсек? Ведь в пятом отсеке размещено оборудование, регулирующее защитное поле моторных сопел! Без него мы не сможем изменять курс!

— Я знаю, командир! Мы уже направили туда роботов-разведчиков. Отсек полностью разгерметизировался от попадания куска космического льда, но есть надежда, что стабильная работа механизмов не нарушена.

— Хорошо, ждём результатов обследования. И надеемся на лучшее!

Ром Малат откинулся в кресле, вздохнул. Он был самым молодым — неслыханно молодым начальником экспедиции в истории межзвёздных полетов. Двадцать восемь лет... Много это или мало? Кто знает... Возможно, поэтому ему так тяжело. Тяжело нести груз ответственности за судьбы людей. Тяжело принимать решения, от которых зависит жизнь команды... С самого начала, с первых световых лет пути тридцать четвертой звёздной экспедиции, «Ступенчатой» мечты...

Энергетические покрывала, отбрасывающие мелкие частицы, на этот раз не сработали. Кусок льда был слишком крупным. Кормовая часть корабля приняла на себя всю мощь удара, и именно это спасло людям жизнь. Видеокамеры внешнего обзора бесстрастно зафиксировали аварию, и Ром Малат решил ещё раз просмотреть файл.

Несмотря на высокое качество записи, разглядеть что-либо можно было только на замедленном повторе. На сверхвысоких скоростях, близких к скорости света, любой, даже самый крошечный метеорит представляет собой смертельную

опасность. Он ведь движется навстречу молниеносно (эффект встречного удара), и прошивает любую обшивку насквозь. С недавнего времени были изобретены защитные энергетические покрывала, отбрасывающие мелкие частицы, но против метеорита диаметром даже в один сантиметр они бессильны. А здесь, при пересечении пояса космического льда на краю системы Вега, таких метеоритов мириады...

Ром сумел разглядеть лишь светящуюся точку, соприкоснувшуюся с кораблем. Огненная вспышка сопровождала взрыв кислорода внутри отсека. Пламя так же мгновенно погасло, лишившись подпитки легковоспламеняющего газа. Ну что ж, благодаря разгерметизации хоть длительного пожара удалось избежать...

Ром остановил запись. Раздался сигнал вызова по внутренней связи корабля.

— Ром, всё хуже, чем мы ожидали. Разрушена большая часть процессоров, контролирующих защитное магнитное поле. На восстановление уйдёт много времени, к тому же у нас нет необходимых материалов. Резерва было взято в обрез.

— Ну что ж, выбора у нас нет, будем работать.

Ром не предполагал, что борьба эта затянется на долгие двадцать лет, потребует колоссального количества усилий, нервов, энергии... Но в тот момент он был настроен оптимистично, как и каждый член этого необычного, очень молодого экипажа. Молодости свойственно недооценивать опасность и переоценивать собственные силы. Они летели сюда с надеждой, летели с мечтой о прекрасных, светлых, сверкающих мирах. Мечты развеялись, планеты восхитительной звезды ночного неба Земли – Веги – оказались мёртвыми и пустынными. Разочарование было огромным, но юные сердца пережили его. Переживут ли тяжелейший путь домой?..

* * *

На следующий день вся команда собралась в зале отдыха звездолёта для обсуждения случившегося. Напряженные молодые лица смотрели на командира, и Ром почувствовал, что именно от него, от его решений зависит не только жизнь, но и моральное состояние экипажа.

— Друзья! В результате попадания в наш звездолёт метеорита разрушена система, регулирующая защитное поле моторных сопел. Следовательно, несмотря на огромные запасы анамезона в контейнерах для хранения, мы не сможем сразу же восстановить работу двигателей. Необходима долгая и кропотливая работа по налаживанию механизма тончайшей и сложнейшей регулировки, которую обеспечивали микропроцессоры, уничтоженные при разгерметизации. Постараемся их восстановить. Надеюсь, что вместе мы сможем сделать это! Для людей Эры Великого Кольца нет неразрешимых задач!

— Каковы масштабы разрушения? — осведомился главный инженер корабля.

— Полностью уничтожен отсек с автоматикой, обеспечивающей защиту.

— Нужно составить план работ и подготовить оборудование.

Команда тут же принялась за работу. Люди Эры Великого Кольца были дисциплинированы и уверены в себе. Ни у кого из них командир не обнаружил и намёка на панику. Каждый занялся непосредственной работой по анализу повреждений и продумыванию дальнейших действий по спасению корабля. Ром был очень молод, и для него это стало откровением. Никогда он ещё не наблюдал такого единения людей, такой связи между ними. Никогда ещё он не был свидетелем людской дружбы и взаимопомощи в критической ситуации. Поборов секундное замешательство, он включился в общее дело.

Глава вторая.

Планета

Ром безуспешно пытался разобраться в хитросплетениях бесконечных соединительных нитей в сердце прибора, обеспечивающего регулировку магнитного поля. Он прекрасно понимал бесплодность своих попыток, но надежда справиться с этим немислимым, невозможным делом не покидала. Главная проблема была в создании стабильно-нестабильного состояния напряжения в центре преобразующего кристалла, но для этого нужно было оборудование, использующее огромное количество энергии и имеющееся лишь на Земле. В полет его не брали из-за громоздкости, так же, как и электронно—вычислительные машины типа ИТУ(1). Конечно, существовала вероятность справиться с задачей путём ручного подбора комбинаций волновых колебаний, но командир прекрасно понимал, что добиться единственно верной, уникальной для данного аппарата чрезвычайно трудно, практически невозможно. Нет, располагая миллиардами лет и триллионами попыток, можно было надеяться на появление уникального сочетания факторов, но за двадцать лет их странствия в космосе не удалось даже на микрон приблизиться к правильному решению. Спирально-асимметричная теория вероятностей бесстрашна, сколько не проигрывай, к выигрышу приблизиться не удастся...

Ром поглядел на экран переднего обзора. Полная тьма... По расчётам здесь должно быть тёмное облако, и «Парус» сможет плавно обойти его, лишь слегка зацепив за край. Но командиру становилось тревожно, когда впереди он не видел ничего, кроме бездонной черноты.

Астра Сай – биолог «Паруса», его напарница по дежурству, отдыхала после своей смены в просторном спортзале звездолёта. Её увлечённость танцами и

гимнастикой была близка к фанатизму, но благодаря этому весь экипаж мог наслаждаться придуманными ей восхитительными импровизациями, наслаждаться каждым изгибом великолепно сложенного тела и гармонией плавных, но в то же время невероятно быстрых движений. Рому доставляло огромное наслаждение просто наблюдать за ней. Эта девушка с короткими льняными волосами стала его подругой уже здесь, в этой труднейшей экспедиции.

Но сейчас командиру приходилось не смотреть на красивую девушку, а следить совсем за другим. Дежурство только начиналось, всё шло по плану, он сам хотел вести звездолёт в этом районе, однако тревожное чувство близкой опасности не давало ему покоя. Неисследованная область 344+2У могла таить в себе какие угодно угрозы. Что там? Неизвестность... Повертев в руках преобразующий кристалл, он положил его на панель управления и решил размять затёкшие мышцы. Едва Ром встал с кресла, как раздался сигнал, извещающий об увеличении искусственной гравитации. Командир бросил взгляд на красные стрелки измерителей напряжения гравитации на голубых градуированных дужках – показатели в норме, всё по плану.

Ром увлекался упражнениями на гибкость, и для него не составляло большого труда сесть на поперечный шпагат. Вот и сейчас он проделал несколько упражнений на растягивание — свой любимый комплекс, выполнение которого доставляло ему огромное удовольствие. Пара несложных движений, несколько наклонов и потягиваний — и вот уже приятное ощущение разлилось по мышцам и суставам, но тут же гармония наслаждения была нарушена резким звуком — это означало, что напряжение гравитационного поля возросло выше расчётного.

Ром моментально вскочил на ноги, в два прыжка оказался возле пульта управления, взглянул на мониторы. Впереди тьма.

Вновь раздался тревожный звонок. Ром решил разбудить астронавигатора и остальной экипаж корабля.

Становилось ясно, что впереди не облако тёмной материи, а что-то непонятное, неизведанное, пытающееся захватить корабль в своё гравитационное поле, как паук в сплетенные им сети. Звуки, извещающие о повышении напряжения поля тяготения, напоминали удары колокола. Тональность становилось всё ниже и ниже, как будто колокола увеличивались в размерах – всё больше и больше. Ром пытался вспомнить всё, чему его учили во время подготовки к экспедиции, но тщетно. Разобраться, что происходит, он не мог. И самое страшное — сделать ничего не мог. Если бы в его распоряжении были моторы... Если бы не эта злосчастная авария... Какой только смысл от этих «если бы»?..

Ждать, пока проснутся помощники, долго. Ром со слабой надеждой переключил экраны на инфракрасное излучение, и тут же отпрянул от неожиданности — прямо перед собой, на переднем экране он увидел огромную звезду. Смутная догадка проникла в мозг — о чём-то подобном рассказывали на Земле, называя «ужас астролётчиков»...

Ром одернул себя — как он мог забыть про Астру?! Молниеносным движением командир пересёк двери спортзала:

— Астра, у нас неприятности! Похоже, мы угодили в объятия Железной Звезды!

Милое серьезное лицо Астры изменилось, приняв обеспокоенное выражение.

— Железная Звезда? Но что это?

— Ужас астролётчиков. Звезда с большим содержанием железа, очень массивная, но не испускающая свет. Точнее, испускающая – но слишком длинными волнами, инфракрасными, для нас невидимыми. Пойдём в

центральный пост управления, необходимо переговорить с экипажем. А мне пора затормозить звездолёт, пока гравитация не возросла до такой степени, чтобы уничтожить всех нас!

Астра послушно кивнула. Она поняла всю опасность, нависшую над кораблём, и осознала ту громадную ответственность, которая лежит на каждом из членов экспедиции, и особенно над их командиром Ромом... Следом за ним она метнулась стрелой в центральный пост управления.

Командир ввёл в действие анамезонные двигатели в носовой части корабля. Хорошо, что метеорит не повредил хоть эти моторы... Весь корпус «Паруса» пронизала высокочастотная вибрация. Астра почувствовала ощущение едва переносимой дурноты...

* * *

Через пять часов экипаж был в сборе. Ром кратко сообщил, что они оказались в плену притяжения Железной Звезды и путь к Земле прерван. Возможно, навсегда, но сдаваться не стоит — у звезды есть планета, на которую стоит попробовать посадить «Парус».

— У нас есть запасы ионного топлива, но ускорительные планетарные моторы также повреждены. Единственное, что мы можем сделать — это постараться сесть, если будем пролетать мимо планеты. Конечно, это чревато риском — неизвестно, какие там могут быть излучения, а уж тем более жизнь, от микробов и вирусов до более крупных и опасных существ. Но, возможно, там нам удастся, там у нас получится послать сигнал на Землю, а это — долгожданное спасение.

— Возможно, опасность преувеличена, — сказала Астра.

— Мы не знаем, есть ли там вообще жизнь.

— Верно, почему я и предлагаю выбрать планету как временный пункт остановки. Хочу выслушать мнение экипажа по этому поводу?

— Я согласна с биологом, — врач экспедиции Марта Хауз уверенно встряхнула короткими волосами — опасность если и есть, то не так сильна. Наш звездолёт оборудован всем необходимым, сомневаюсь, что ему и нам кто-то способен нанести какой-нибудь вред — это невозможно!

Остальные члены команды также поддерживали начальника. Ром Малат занял место в пилотском кресле. Очень скоро «Парус» приблизился ко второй планете Железной звезды – первая промелькнула раньше, корабль пролетел слишком далеко от неё. Уверенными и точными движениями командир направил звездолёт к планете и стал медленно снижаться по спирали. Запустили робота-телевизора. Сигнал от него можно было получить только на следующем круге, и все напряженно ожидали пролёта над отправленным вниз, в неизвестность, автоматом. В нужный момент Ром поймал сигнал.

Бесстрастно сработала камера, луч света на экране быстро перемещался по скалистой поверхности, как вдруг отразился от чего-то ярко-малахитово-зелёного, явно имеющего спиральную форму. Высотой метров пятьсот, исполинский диск был погружён одним краем в почву. Звездолёт? Все недоуменно пожали плечами. Если и звездолёт, то явно не земной. Конструкций такого типа на родной планете не было.

— Что будем делать, командир? — спросила Рома Астра.

— Нужно взять пробы воздуха, воды и почвы. И садиться. Иного выбора у нас нет. Только так остаётся шанс выжить.

— Хорошо — биолог взялась за работу, но тут же снова повернулась к командиру.

— Проб воды, воздуха и почвы взять не успеваем...

— Ну что ж, раз так, нужно принимать решение. Ускорительные планетарные моторы повреждены, мы не можем стать спутником планеты. Придется садиться. Телеробот удачно приземлился на плоскогорье — туда и направимся!

Ром дал команду всем занимать посадочные места. Оказавшись в кресле пилота, командир стал точными и рассчитанными движениями управлять рукоятками и кнопками пульта. «Парус» медленно снижался, приближаясь к поверхности планеты.

Плоскогорье, которое они наблюдали через «глаз» электронного прибора, никак не показывалось. Корабль опускался всё ниже и ниже, но Малат никак не мог сориентироваться. На планете была низкая облачность, что очень затрудняло спуск. Вглядываясь в экраны внешнего обзора, Ром, наконец, увидел скалистую площадку, моментально оценил все преимущества её ровной, гладкой поверхности, и направил звездолёт туда. Большой корабль стал медленно приближаться к планете, ведомый искусной рукой. Ром внимательно и осторожно посадил звездолёт.

Сила тяжести на планете превосходила земную в два с половиной раза. Хорошо, что корабль комплектовался специальными экзоскелетами, облегчающими передвижение в таких тяжелейших условиях. Экзоскелеты надевались на скафандры, и могли управляться людьми.

Ром откинулся в пилотском кресле, уронил уставшие руки. Приземление прошло удачно, но самое трудное впереди. Необходимо готовить ракетную башенку для передачи сигнала на Землю, а о планете не известно ничего. Вполне вероятно, что здесь обитает жизнь, а это ещё больше усложняет их миссию.

Жизнь и на Земле принимает самые причудливые формы, что уж говорить об этом мире — тёмном, массивном, освещаемом чёрными лучами Железной

Звезды. Её называют «ужасом астролётчиков», и попадание в её цепкие лапы поистине ужасно.

Ром почувствовал, что начинает терять самообладание, что на него накатывается волна паники, и он не знает, что делать дальше... Это было последнее, что ему позволялось делать, как командиру, и сильнейшим усилием воли Малат заставил себя успокоиться.

Они попали в чрезвычайную ситуацию, а он — командир. Он должен быть примером для всех, он должен работать больше всех, он должен и будет продолжать нести на себе этот груз ответственности. Нужно готовиться к выходу на поверхность!

Идеально было бы во время открытия и закрытия шлюзовых камер продувать их сжатым воздухом, однако от этого решили отказаться. Пусть запасов кислорода и достаточно, но неизвестно, насколько они задержатся здесь, в этом мире мрака. А тратить драгоценный воздух впустую не хотелось никому.

Пришлось на свой страх и риск открывать шлюз и надеяться на то, что будет достаточно обработки скафандров жёстким излучением. Первый выход на поверхность планеты был пробным и обзорным — нужно посмотреть, где лучше поставить ракетную башенку, разведать местность и понять, чего же ожидать от этой планеты. Впрочем, большинство членов экипажа не верило, что здесь может быть опасно.

Глава третья.

Выход на поверхность

Командир вместе с пятью отважными членами экипажа (включая Астру), готовились к высадке. Планета была больше Земли, и каждое движение на её поверхности давалось людям в два с лишним раза труднее, чем на Земле. Такое

ощущение, что на человека надевался тяжёлый скафандр высшей защиты, который не позволял двигаться с прежней лёгкостью.

Экзоскелеты очень помогали не чувствовать неудобство при передвижении, хотя к их механизмам нужно было ещё приспосабливаться.

Пятеро отважных смельчаков, одев скафандры и экзоскелеты, стояли у выхода шлюзовой камеры, с нетерпением ожидая открытия люка. Какая-никакая, но это была планета, и уставшие от тесноты звездолёта путешественники хотели ощутить это сладостное чувство прикосновения ног к твёрдой поверхности.

Люк шлюзовой камеры с шумом распахнулся. Яркий свет прожекторов освещал пространство впереди. Командир первым сделал шаг на неведомую планету. Беглый осмотр показал, что приземлились они удачно. Плоскогорье – точнее, равнина, так как она поднималась всего лишь на несколько десятков метров над низменностью – по горизонтали в свою очередь простиралась на несколько сотен метров, и была видна пара мест, где можно будет построить ракетную башенку, необходимую для передачи сигнала на Землю. Тревожило только одно – безмолвие и необитаемость. Не к добру это. Не к добру. Особенно учитывая плотную тьму, окутывавшую астролётчиков, как только они оказывались вне полосы света от прожекторов корабля. Тускло мерцавшие звёзды не разгоняли, а только усиливали черноту мрака вокруг.

Командир дал отбой. Смелые первопроходцы нового мира, разбредшиеся было кто куда, вернулись к начальной точке. Усталые, но полные надежд, они зашли обратно на корабль. После закрытия внешнего люка все остались в скафандрах, наблюдая за тем, как механизмы корабля обследуют каждый миллиметр космической одежды. Простерилизовав скафандры особым раствором и тщательно вымыв, роботы приступили к обработке верхнего слоя жёстким излучением. Только после этого, выйдя из шлюза в переходную камеру, астролётчики сняли скафандры.

Через некоторое время после пробного выхода капитан опять собрал всех в главном помещении корабля – библиотеке-лаборатории. Предстояло обсудить, что же делать дальше. Взлететь они не могли – все двигатели, и анамезонные, и планетарные, вышли из строя. Единственным шансом спастись оставалась подготовка и отправка сообщения на Землю, однако для этого нужно было построить ракетную башенку, следовательно, надолго покидать корабль, работая снаружи. Нет, никто не боялся, но, с другой стороны, неизвестно, какие опасности подстерегали там, в этом непроглядном мраке неизвестного мира? Предсказать всех неожиданностей не мог никто, и, тем не менее, отчаянная команда решила продолжать работу, поскольку только она давала хоть и мизерный, но реальный шанс на спасение. Кроме того, энтузиазма добавляло присутствие рядом с «Парусом» неизвестного таинственного звездолёта, который можно будет исследовать. Ром подумал, что это хороший знак.

Едва они во второй раз оказались на поверхности, как началась буря. Раскаты грома и треск молний сопровождали строительство, а вскоре ветер стал такой силы, что дежурившая бригада во главе с командиром решила укрыться в силикоборовой башенке, возведенной для наблюдения.

Как только люди оказались в тёплом и сухом месте, их сразу начало клонить в сон. Ром лежал с закрытыми глазами, расслабив уставшие мышцы. Он представлял Землю, родной дом, оказавшийся так далеко по меркам масштабов Солнечной системы, и в то же время очень близко для их корабля, если бы он был цел... Опять «если бы», опять воспоминание о злосчастном метеорите изо льда... Ром гнал эти мысли, но они, не поддаваясь его воле, вновь лезли в голову...

Внезапно Малат ощутил лёгкий укол — как от удара электрическим током. Ничего не понимая, он открыл глаза и осмотрелся. За куполом не было видно ничего, лежащие рядом товарищи мирно спали. Но не показалось же ему?! Удар током был ощутимым, и довольно-таки болезненным. Это не могло быть

галлюцинацией, и Ром точно знал, что и не было. Однако повторного удара он так и не дождался...

Буря закончилась, отдохнувшие путешественники наконец-то смогли вернуться на свой корабль. Вскоре, увлечённый планированием следующих работ, Ром забыл о происшествии, и команда снова стала готовиться к продолжению спасательных мероприятий... Недостатка во времени люди не испытывали, но каждый из них горел от нетерпения, жаждая наконец начать исследование таинственного гостя — чужого звездолёта, находящегося на расстоянии вытянутой руки от «Паруса». Ром и сам желал поскорее осмотреть их нежданную громадную находку, но понимал, что необходимо умирить пыл возбужденных манией научных поисков товарищей. Самое главное — дать знать о себе, послать сообщение на Землю, и лишь потом удовольствия.

Да, для людей Эры Великого Кольца любое научное исследование, любая творческая работа доставляла огромное удовольствие, и каждый человек мечтал внести свою, пусть и скромную, лепту в изучение загадок и тайн безграничной Вселенной. Бесстрашные люди Новой Космической Эры радовались любому уходу в область нераскрытого, в область неизведанного, забывая о пище, питье, сне. Это было естественной потребностью Мира, без которой не мог обойтись ни один — абсолютно без исключения — ни один его житель.

Команде не удалось уговорить капитана наконец-то подобраться поближе к таинственному спиралодиску и «пощупать» его приборами. Ром не выделил ни одного дня на его исследование. Он не мог объяснить, почему поступил так, как и не мог понять свой следующий безрассудный поступок — в одиночку выйти наружу, не деля ни с кем секунды первого соприкосновения с инопланетными технологиями. Это был эгоизм, и капитан не мог себе такого позволить, но его неодолимо тянуло к изумрудной гигантской спирали огромного звездолёта, невиданного ранее никем на Земле и в просторах Вселенной. Он прокрался к

нему ночью, одинокий и счастливый, освещая путь только фонариком шлема. Корабль был величественен и красив. Его мягкий приглушенный изумрудный цвет усыплял и расслаблял, а предвкушение Чуда не оставляло Рома. Этот гость из далёких миров казался Малату ослепительным рыцарем Вселенной, странником одиночества. Романтика дальних странствий не была чужда командиру «Паруса» — иначе он бы и не отправился в свой бесконечно долгий полёт...

Усталый, но довольный, Ром вернулся в свою комнату и погрузился в глубокий здоровый сон...

Глава четвёртая.

Исчезновение

Ром проснулся раньше своих товарищей, и сразу же его охватило непонятное волнение. Он снова должен был оказаться возле сияющего звездолёта. Нервная дрожь охватила Рома, он быстро умылся, оделся и побежал в шлюзовую камеру. Натянув скафандр, Ром нажал на рычаг отстрела выходной двери. Та с шумом распахнулась, и Ром бегом, насколько позволяла почти тройная сила тяжести, вприпрыжку направился к звездолету. Чувствуя удивительный прилив сил, он забыл обо всем, глядя, как зачарованный, на сверкающую, пусть и местами потрескавшуюся, обшивку корабля. Какая-то неведомая сила повела его к краю уступа. Сразу за звездолётом плоскогорье обрывалось в бездонную черноту, и не было видно, что там — внизу. Не понимая, что происходит, Ром поднял голову вверх. Громадный, высотой метров в десять черный крест стоял прямо над ним, наклонив свои широкие лопасти в сторону жертвы. Командир не успел даже понять, что это: робот, животное или разумный обитатель этой планеты в необычном скафандре. Рома подняло в воздух,

перевернуло, резким рывком отбросило в сторону. Командир исчез за безмолвным чужим кораблём, а крест медленно и осторожно стал спускаться вниз...

* * *

Астра проснулась от тревожного ощущения. Открыв глаза, она долго лежала, не в силах пошевелиться. В голове проносилось множество мыслей, но она никак не могла привести их в порядок. Что-то случилось, она это чувствовала, но не могла понять, что... Многие из землян обладали телепатическими способностями, но все в разной степени. Астра сосредоточилась, но не получила ни единого намека на мучивший её вопрос...

Нужно было вставать, впереди много дел. Астре не нравилось, как был возбужден по этому поводу Ром, но её любимый горел желанием поскорее завершить работу. Астра решила заглянуть в его каюту.

Командира не было. Астра моментально разбудила товарищей. Рома решили вызвать через внутреннюю связь — все скафандры были объединены в единую радиосеть — но командир не отзывался. Необходимо было отправляться на поиски. Но где искать?

— Разделимся на три группы. Одна отправится к чужому звездолёту, вторая и третья — в противоположные стороны, каждая в своем секторе. Командир не мог уйти далеко, — Астра, без сомнения, сильно переживала, но не подавала вида.

— Здесь останутся Лаик Весна и наш механик Сах Ктон, охранять корабль. Мы столкнулись с чем-то неизвестным, страшным и непонятным.

Астра решила возглавить поиски, приняв на себя руководство всеми тремя группами, и держать постоянную связь. Дело приняло серьёзный оборот, и она

очень жалела, что у них не было не только танков высшей защиты, но и вообще никакого оружия. Никто не ожидал, что в окрестностях Солнечной системы окажется такая планета — чёрная, безмолвная и враждебная, и что на ней живут такие безжалостные существа, для которых не имеет значения, кого убивать, кого захватывать и кого пожирать...

Команда разделилась на три группы, две из которых состояли из трёх человек, а одна из пяти во главе с Астрой — самые опытные астролётчики. Группа Астры отправилась к сияющему звездолёту, остальные разбрелись в две другие стороны, стараясь охватить максимум возможного пространства.

Астра с товарищами всё ближе и ближе подходили к звездолёту. Сам по себе он не производил впечатление опасного. Было очевидно, что корабль давно покинут. Единственное, что было непонятно — это как попасть внутрь? Ни намёка на входной шлюз на спиралевидном корпусе корабля, покрытом малахитово-зелёным неизвестным составом, сквозь который просвечивал в местах трещин ослепительно-голубой металл, не было. Астра задумалась. Что это за звездолёт, и чьим домом он был? Сколько путешествовал в космосе? Что там увидел, что чувствовали его обитатели во время встречи с неведомым? Вопросы, которые остаются без ответов...

Сразу за звездолётом плоскогорье обрывалось, и это очень тревожило Астру... Что по ту сторону? Какие чудища скрываются там? В конце концов, почему Ром пропал так бесследно?

Она остановилась. Предчувствие чего-то страшного заставило колотиться сердце. Неожиданная догадка всё яснее и яснее начинала показываться перед сознанием... Астра остановилась прямо перед кораблем. Что-то не так! Тишина... Почему тихо? Только что она слышала разговор своих спутников, сейчас же все молчат. Что случилось? За своими мыслями она совсем не заметила, что ушла вперед!

Астра резко обернулась. Шедшие позади неё напоминали зомби, безвольно шагая навстречу краю обрыва. Их сознание явно было захвачено кем-то, они шли на чей-то зов и потеряли способность адекватно оценивать реальность. Их движения напоминали контролируемые движения кукол-марионеток. Астра бросилась к ближайшему спутнику — Лорэл!!!

— Лорэл! Очнись, очнись, дорогой, милый, очнись! Очнитесь, друзья, что с вами происходит???!!!

Её голос утонул в безмолвии. Ужас охватил сознание. Она почувствовала присутствие кого-то позади себя. Из тьмы выделился силуэт. Нечто было очень высоким, и, сильно согнувшись, разглядывало свою жертву. Астра видела это через зеркало заднего обзора скафандра, и медленно, медленно, чтобы не спугнуть чудовище, обернулась. Громадный чёрный крест, едва выделявшийся в темноте, смотрел на неё своим линзообразным глазом. Возможно, это был и не орган зрения, но очень уж пристально он оглядывал Астру. Девушка замерла, не в силах противостоять чудовищной мощи неземного гипноза... Она стала похожа на статую, безмолвно и безучастно наблюдающую за своей дальнейшей судьбой...

Крест не стал жалеть жертву. Гуманизм был несвойственен этому безжалостному существу. Схватив Астру своими мощными лопастями-щупальцами, он разорвал её тело на две половины, продемонстрировав свою власть над этой несчастной букашкой, так неудачно оказавшейся на его пути. Предсмертный крик Астры разбудил всех её спутников от окутавшего мозг вязкой паутиной мрачайшего сна, но было уже поздно... Они были окружены кольцом из отвратительных щупалец-лопастей. Участь их была решена. Тела были разодраны на клочки за мгновения, никто не остался в живых...

Глава пятая.

Медузы

А тем временем вторая и третья группы, встревоженные непонятными криками Астры и молчанием её спутников, стремглав возвращались назад. Они не понимали, что происходит, и какой враг, притаившись, развернул здесь борьбу с ними. Человек Земли, Человек счастливой коммунистической Земли не был готов к противостоянию с неземной силой инферно, давно побеждённой на родной планете.

Вернувшись на корабль, оказавшись без своих друзей, люди заперлись, им было страшно. Предстояло продолжить начатое дело, но паника охватила всех, и теперь каждый раз, отправляясь на строительство башенки, люди испуганно озирались по сторонам, и, завершив запланированные работы, быстро возвращались на корабль.

Так продолжалось несколько недель. В очередной раз группа из пяти человек отправилась наружу. Кейса Ариолла, механик Сах Ктон и Лаик Весна остались в корабле, охранять маленький кусочек земного мира от посягательств неведомых существ.

Прошло несколько часов, но группа не возвращалась. Более того, связь с ними пропала.

Лаик вызвала Ктона.

— Сах, что произошло? Что случилось?

— Не знаю, Лаик. Нужно выходить наружу. Это сделаю я. Ты останешься здесь.

— Я не хочу, Ктон! У меня также были, есть и будут обязательства перед товарищами! Я хочу помочь им, если это ещё возможно!

— Кто будет следить за кораблем?

— Но ведь остаётся Кейса! Она сейчас в хранилище информации. Пойдем, Сах, милый, ребята нуждаются в нашей помощи! Нельзя просто стоять и смотреть!

Сах замер, тяжело переживая... Оставить Лаик здесь? Но один он не сможет противостоять враждебной жизни этой планеты, да и друзьям не поможет...

Командира нет, Астры нет, за главного он сейчас. Кейса остаётся, она всегда обладала лидерскими качествами, она справится!

— Хорошо, Лаик! Но, умоляю тебя — будь всегда рядом!

— Хорошо, любимый.

Они вызвали Кейсу по внутренней связи, сообщили о том, что случилось. Кейса согласилась с тем, что нужно отправиться на поиски пропавших. Она справится с кораблем в одиночку.

Сах и Лаик спрыгнули с ленты подъёмника, всем телом ощутив удар о почву планеты. Двойная сила тяжести отдалась в костях, заставив людей вспомнить о том, что они находятся во враждебном мире, а не на доброй ласковой милой Земле.

Группа ушла в направлении северо-западной части плоскогорья, где находилась ракетная башенка. Приготовления к её запуску были завершены, включен обратный отсчет. Ровно через двадцать четыре часа сообщение о судьбе «Паруса» с просьбой о помощи будет отправлено на Землю. Однако на полпути назад связь с группой была прервана.

Механик поднял голову. Впереди — непроглядная тьма. Лаик и Ктон взялись за руки, насколько это позволяли перчатки скафандра. В шлемах раздался звонкий голос Кейсы:

— Ребята, я включу главный прожектор корабля! Добавим света!

— Спасибо, Кейса!

Яркий свет проник далеко в толщу плотной густой темноты.

Механик пошёл первым. На пути встречались странные полуживые чёрные растения высотой около метра с зазубренными краями – только в таком состоянии могла существовать жизнь на этой планете. Впрочем, нет – животные здесь были далеко не беспомощны. Иначе не погибли бы их друзья.

Лаик думала о другом. Думала о том, как безжалостна жизнь, о том, как несправедлива природа. Они здесь уже месяц, и что они сделали? Фактически ничего. Потеряли друзей, близких, любимых... Да, построили ракетную башенку для передачи сообщения на Землю, но для чего? Нужно ли оно уже будет, это сообщение? Будет ли кого спасать?

Лаик не заметила, как приблизилась к границе, отделяющей свет от тени. Сах был слева, и внимательно смотрел вперед. Лаик замешкалась на секунду, глядя на механика, как вдруг запнулась обо что-то мягкое. Ноги заплелись, она едва не упала, пытаясь удержать равновесие, замахала руками. Это не осталось без внимания Ктона:

— Лаик, Лаик, что случилось?

— Не знаю, Сах! Здесь что-то есть. Оно в тени, не видно...

Механик включил фонарик на шлеме, направил его в ту сторону, где должен был находиться предмет. Пары секунд хватило для того, чтобы понять, что это перчатка скафандра, переходящая в руку...

Ктон в одно мгновение допрыгнул до места, где лежал кто-то из их друзей. Это, несомненно, было так! Лаик помогла ему вытащить тело на освещённую сторону.

— Внутренняя связь должна работать, Лаик?!

— Конечно, Сах! Очнись, очнись, кто ты? Кто?

Скафандр был весь измазан в грязи, покрыт какой-то вязкой жидкостью так, что невозможно было понять, кто внутри. Сах судорожными движениями,

перчаткой, пытался протереть силиколл шлема. Не получалось – только разводы оставались. Сквозь них нельзя было разглядеть товарища. Да что ж такое-то?

— Сах, что делать? Что? Понесём его на корабль?

— Иного у нас нет, Лаик. Берём!

Они попытались взять тело в скафандре, но оно оказалось слишком тяжёлым.

Раз, два!

— Стойте, ребята... - глухой еле слышный голос проник в динамики шлема.

— Мирт? Ты? Что случилось, где остальные?

— Все погибли!.. Вы тоже погибнете, если не вернётесь обратно на корабль. Торопитесь... Времени мало... Они рядом...

— Да кто они? Мирт! Мирт!!! Очнись!

— Монстры... - голос Мирта Рассела затих... Лаик безуспешно трясла его за плечо. Сах сжал зубы. Что за монстры? Зачем столько смертей? Где остальные?

Он почувствовал приближение чего-то справа и увидел НЕЧТО. Они были похожи на медуз океанов Земли, только летали по воздуху, тела формой напоминали ромб, из которого торчали щупальца, а по краю свисала живая бахрома.

— Лаик, Лаик, он погиб, бежим, смотри, за нами тоже охотятся. Нужно срочно возвращаться на корабль!

Девушка очнулась от шока, направив взгляд туда, куда показывал рукой механик. Жуткие, страшные монстры, облик которых напоминал различные чудовища из фильмов ужасов ЭРМ Земли, приближались. Они медленно плыли над почвой, осматривая новых жертв.

— Лаик, бежим! – Сах схватил девушку за руку, что есть мочи устремившись к кораблю.

Глава шестая.

Борьба

Кейса наклонилась к микрофону, соединённому с катушкой полётного дневника, для того, чтобы продолжить запись. Собравшись с силами, девушка уверенным, звучным и холодным голосом произнесла:

— Сегодня, двенадцатого числа седьмого месяца триста двадцать третьего года Кольца, мы, все оставшиеся, закончили подготовку ракеты-передатчика. Завтра в это время мы отправим надёжно рассчитанное...

Внезапно оглушительный крик раздался в наушниках Кейсы. Группа, подготовившая ракету-передатчик, не вернулась с работы в звездолёт, на поиски отправились Лаик и Сах, и этот крик мог означать только одно – что-то случилось... Кейса повернулась к приёмнику внутренней связи:

— Включаю! Ещё!

Девушка остановила запись полётного дневника. Что случилось?! Почему они молчат? Где Ктон и Лаик?

Кейса продолжила щёлкать тумблером переговорного устройства, но в ответ слышала только тишину. Она яростно дёргала рычажки, но в ответ – молчание. Паника начала охватывать Кейсу, она не могла контролировать себя, тело охватила нервная дрожь...

Внезапно в наушниках раздался треск, затем отрывистые фразы. «Сах, Сах, бежим!» «Лаик, прыгай!» «Чёрт, мразь, уйди!»

Кейса молниеносно переключила камеры внешнего обзора на подъёмник. Тенью бросился в открытый люк механик, следом за ним в корабль проникло несколько каких-то существ, похожих на медуз. От их ромбического тела отходили короткие, не более метра, щупальца. Однако там, где располагались

острые углы тела, щупальца были гораздо длиннее. Больше Кейса не успела ничего разглядеть, так как подъёмник автоматически закрылся. Внизу, прямо под ним, лежало мертвое тело Лаик Весны, пожираемое кровожадной медузой...

Кейса отвернулась, судорожным движением выключила связь. Она уронила лицо на руки, заплакав от боли утраты и бессилия. Лаик, нежная и добрая Лаик... Она погибла, она не выдержала в схватке с ужасным монстром. Как теперь быть ей, Кейсе? Как?

Стоп! Сах Ктон еще здесь! Где он?

* * *

Механик бежал по коридорам корабля, не оглядываясь. Он знал, что медузы идут по пятам, но ему нужна была небольшая передышка, нужно было собраться с силами. Необходимо выбрать место, где он сможет их удерживать. Пляцдарм для атаки. Высоту, как сказали бы в древности. Сах наткнулся на большой электрогидравлический резак, непонятно каким образом оказавшийся на его пути. Похоже, это кто-то из членов экипажа обронил его вчера, перевозя оборудование. Отлично – это оружие!

Сах остановился, переводя дыхание. В коридоре была ниша, в которой можно было спрятаться. Взяв тяжёлый резак, он отступил в укрытие.

Медузы не заставили себя долго ждать. Они крались в полутьме корабля, осторожно ощупывая всё, к чему прикасались. Ктон видел их мерзкие щупальца, извивающиеся и сверкающие светящимися внутри огромными пузырями. Как же они отвратительны!

Механик поднял резак, острие которого нависло над ничего не подозревающей медузой, и включил его, в то же мгновение изо всех сил опустив на чудовище свое импровизированное оружие. Монстр чужой планеты не успел

даже опомниться, как был разрезан на две части, издав утробный звук. Механик не знал, что сразу за ним находятся ещё двое уродливых зверей, и нападение их стало внезапным для Ктона. Медузы сбили Саха с ног, но он быстро поднялся и бросился в центральный пост управления, держа палец на кнопке включения резака. Электрогидравлика сработала надёжно, и Сах не заметил, как острое проникло ещё в одну медузу, случайно оказавшуюся на его пути. Животное перекошило, оно дёрнулось, обмякло и упало на пол чёрной слизью. Однако чудовища не отступали, тесня механика в библиотеку. Сколько их проникло в корабль? Пять? Десять? Двадцать?

Ктон размахивал резаком, как мечом, отбиваясь от превосходящих его численно тварей. Он знал, что из библиотеки есть дверь, ведущая в кормовой отсек через коридор, и пытался, держа в одной руке резак, второй нащупать механизм, открывающий его. Наконец кнопка была найдена, с громким шумом дверь распахнулась, и механик бросился к задней переборке кормового отсека. Медузы не отступали ни на шаг. Улучив момент, одна из них ухватила механика щупальцем за ногу, крепко сжала и уронила на пол. Две других попытались помочь собрату, но вместо этого промахнулись и всей своей тяжестью обрушились на массивные стойки охладителей из фосфористой бронзы, сильно их погнув. Собрав остатки сил, Сах Ктон размахнулся, задев резаком провода вверху, и опустил тяжелый прибор на туловища монстров, схвативших его. Он разрезал медуз пополам, но те успели вытянуть щупальца и поразить его электрическим током, парализовав обе ноги. Пронзительный крик гнева и боли разнёсся по помещениям корабля. Сах, как подкошенный, рухнул на пол, потеряв сознание.

* * *

Механик Сах Ктон, преодолевая нестерпимую боль, полз вперед, опираясь лишь на одни локти. Он с трудом держался, едва не теряя сознание. Ноги были парализованы, но мозг отказывался в это верить. Отказывался считать, что здоровый, полный жизненных сил и оптимизма механик корабельных двигателей «Паруса» практически беспомощен. Чудовища проникли внутрь, и охотятся за ним. Они идут по пятам, Ктон чувствует это. Мерзкие, отвратительные создания этой четырежды проклятой планеты, уничтожившей практически весь экипаж и безучастной к их горю. Лаик, всегда и вечно любимая Лаик не допрыгнула, не успела, пожранная кровожадным монстром. А он, её преданный рыцарь, с обездвиженными ногами пытается что-то сделать... Не бессмысленно ли? Ради чего все?

Ктон вздохнул, повернулся на бок. Может, конец?..

Нет, он должен, должен добраться до щита, управляющего планетарными двигателями! Никогда ещё человек, начиная с Новой Эры Счастья, никогда не сдавался на милость inferno, не складывал руки без борьбы! Пусть он один, пусть его судьба решена, но нельзя позволить мерзким тварям победить в этой схватке! Пусть они умрут, но умрут гордо, умрут не сдавшись, умрут, но уничтожат как можно больше скользких электрических медуз, поглощающих человеческую плоть! Планетарными.

— Ударим планетарными! — Ктон не заметил, что громко произнес эти слова в пустое пространство корабля. Пустое и мёртвое... Безмолвное и безучастное...

— Сах, Сах, это ты?! — сдавленный дрожащий голос вызывал его через переговорное устройство шлема.

... Кейса?!... Сах Ктон не мог в это поверить. Кейса Ариолла, он ведь считал ее погибшей!

— Кейса, Кейса, это ты?! — несмотря на весь ужас ситуации, голос Ктона был полон самой искренней радости. — Кейса, ответь!!!

— Сах, Сах, да, это я — Кейса! Где ты? Что с Лаик?!

Сах снова сжал кулаки, проклиная все на свете!

— Лаик погибла... Не допрыгнула до ленты подъемника. Чудовища утащили её, а я ничего не смог поделать!

— Что случилось, Сах? Что с тобой?

Ктон заскрежетал зубами... Сказать ей про парализованные ноги? Но Кейса всегда была такой светлой, такой милой девушкой! Все любили её... Сказать, и лишить надежды? Нет, она должна бороться! Одна она осталась на этой планете! Одна, милая, добрая Кейса...

— Сах!

— Да, Кейса. Я ранен, но надеюсь, что смогу поползти до щита, управляющего работой двигателей. Ударим по чудовищам планетарными, пусть смерть Лаик и товарищей будет не напрасной! До встречи, Кейса! — Ктон отключил микрофон...

Почему, почему природа так несправедлива? За что этой девочке такая судьба? Что будет она делать дальше? Одна, совершенно одна на корабле...

С правой стороны коридора раздался треск. Ктон прислушался, но звук больше не повторялся. Он знал, что монстр рядом, знал, что, в конце концов, безмозглая гадина доберется до него. Лишь бы успеть! Лишь бы оказаться первым, опередить уродину!

Сах напряг последние силы, Передвигаться, опираясь на локти, было мучительно больно, но встать он уже не сможет. Никогда... Как больно чувствовать это никогда! Как больно ощущать, что ты не сможешь уже бегать по траве, купаться в озере, прыгать от счастья с любимой Лаик!..

В голове стало страшно стучать, как будто она превратилась в огромный гудящий колокол. Ктон понимал, что это означает, понимал, что заканчиваются силы, но щит был уже рядом, совсем рядом, только руку протянуть...

Из-за поворота молнией выскочило нечто, развернув щупальца в сторону механика. Ктон почувствовал, как его руки немеют, а тело парализует под мощными разрядами электричества... Он поднял руку, взялся за рычаг, попытался сдвинуть его... Тело сопротивлялось, рука ослабла, и пальцы предательски стали разжиматься...

— Лаик... — еле слышно прошептал Ктон. В его мозгу этот шёпот казался нестерпимым криком. Он не видел чёрной медузы, но знал, что её цепкие щупальца уже нацелились на его жизнь. Дёрнувшись несколько раз, его тело обмякло, а сознание провалилось в тёмную пустоту... Сах Ктон остался лежать на полу кормового отсека, а чёрное чудовище, дождавшись своего собрата, вдвоём обхватили механика, потянув его к выходу...

Глава седьмая. Победа

Кейса вновь вернулась к микрофону. Она понимала, что осталась одна. Да, Сах внизу, в кормовом отсеке, и он сделает всё что сможет, но ведь ОНИ тоже внизу.

Собравшись с силами, Кейса продолжила запись.

— Спаслись двое... Лаик не допрыгнула... подъёмник... дверь не смогли закрыть, только вторую! Механик Сах Ктон пополз к двигателям... ударим планетарными... они, кроме ярости и ужаса, – ничто! Да, ничто...

Внезапно Кейса увидела какое-то движение через раскрытую дверь зала. ОНИ! Нужно перекрыть входы.

Девушка быстро подбежала к рычагам блокирования дверей, и бросила взгляд на экран, показывающий управляющие щиты двигателей. Механика там не было. Ктон?!... Смелый, отважный механик! Неужели не успел, и ОНИ рядом?! Что теперь делать ей?.. Что? Она ведь осталась одна! Одна. Одна...

Кейса взяла себя в руки. Она знала теперь, что делать. Знала, что предпринять, чтобы победить эту ужасную нечисть, испоганившую весь корабль и сожравшую весь экипаж. Ничего, будет расплата! Будет!

Кейса вернулась к микрофону. Она знала, что это будет её последняя запись, но, тем не менее, её молодой голос был звонок и свеж. Катушка звукозаписи бесстрастно зафиксировала следующие слова:

— Кажется, Ктон не успел. Я одна, но я придумала. Прежде чем начну, - Кейса сделала паузу, собрала всю свою волю в кулак и произнесла громко и чётко. — Братья, если вы найдёте «Парус», предупреждаю, не покидайте корабль никогда!

Девушка громко вздохнула и произнесла еле слышно:

— Надо узнать про Ктона. Вернусь, объясню подробнее...

Внезапно совсем рядом Кейса услышала шорох... Похоже, вернуться она не успевает...

Кейса стремглав выбежала из зала, изо всех сил ударив кулаком по рычагу разблокировки. Спасти её сейчас может только внезапность. Неведомые чудовища не знают людей. Они думают, что всё сойдёт им с рук! Они думают, что останутся безнаказанными! Они ошибаются!

Кейса стрелой пронеслась по коридору, добравшись до отсека с материалами для исследований. Дрожащими руками открыв дверь, она судорожно занялась поиском в конце помещения запечатанного хранилища, заполненного ящиками, покрашенными в оранжевый цвет. Вот они — яркие, с маркировки и ярлыками!

Разорвав соединительную ленту, Кейса забрала из ящиков все находившиеся там цилиндры, сверкающие стальным цветом. Теперь нужно было, избежав встречи с медузами, проникнуть в шлюз. Наружу, только наружу! Воздуха в скафандре хватит на час, а оставаться в мёртвом корабле бессмысленно...

Мёртвом. Кейса поймала себя на мысли, что стала считать звездолёт, их «Парус», родным существом. Живым, тёплым и родным пристанищем их заканчивающейся жизни, жизни, прошедшей бессмысленно и ушедшей бесследно...

Нет! Не даст она уйти бесследно! Не даст одержать победу слепым силам инферно, миллионы лет мучившим людей. Вперёд, вперёд к мечте!

Кинув взгляд на экраны внутреннего обзора, Кейса, собрав последние остатки сил, метнулась к входу в шлюзовую камеру. Пробежав по пересечению коридоров, она краем глаза заметила группу из нескольких чудовищ, медленно плывущих по залам корабля. Одна из медуз повернулась в её сторону и, как показалось девушке, заметила её. Ну что ж, это хорошо, главное добраться до шлюза...

Кейса отодвинула тяжёлую дверь и стукнула кулаком по автоматической кнопке замка. Дверь с грохотом закрылась, и в самое последнее мгновение Ариолла успела заметить промелькнувший в коридоре чёрный силуэт. Ага, значит, точно заметили! Ну что ж, им же хуже, тварям!

Кейса щелчком пальца заставила раскрыться створки спрятанного в стене отсека. В нише был укреплён скафандр, в который девушка стала уверенно залезать, точными и расчётливыми движениями застегивая все крепления.

Затянув пояс, Кейса открыла второй отсек, в котором был размещён экзоскелет. Она почувствовала невероятный прилив сил, но всё-таки решила, что

лучше будет использовать помощь надёжного аппарата для передвижения, ведь вес рюкзака за спиной приличный. Ничего – это ненадолго!

Подготовившись и сладив с механизмами экзоскелета, Кейса дёрнула рычаг отстрела люка шлюза, предварительно повернув ручку автоматической разгерметизации звездолёта. Двери распахнутся через пятнадцать минут. Нельзя, чтобы чужие находились здесь. Нечего им делать в родном доме, в частичке любимой планеты, перенесённой через колоссальные расстояния в этот тёмный безжалостный мир. Система выдавила двери, и зияющая пустота враждебной планеты раскрылась перед хрупкой, но отчаянно смелой девушкой Эры Великого Кольца, для которой не было преград, не существовало препятствий, не было ничего невозможного, и остановить её не смог бы сейчас никто! Вперёд, к цели!

Кейса сначала неуклюже, но потом всё увереннее и увереннее передвигала ногами благодаря поддержке своего искусственного помощника. Вот уже и край камеры, вот и порог. Шажок, ещё шажок. Прыжок, ещё прыжок!

Кейса оказалась снаружи. Оглянувшись, она почувствовала, ощутила телепатически приближение медуз к дверям переходной камеры. Потерпите, зверёныши, будет вам ужин...

* * *

Кейса осмотрелась. Куда идти? Впереди тьма, с боков тьма, позади тьма. В самое пекло? А куда же ещё! Идти, так до конца, сражаться, так до последней капли крови!

Девушка быстрыми шагами двинулась к чужому звездолёту, который они так и не успели исследовать. За ним был спуск на низменность, за ним живут ужасные монстры, искалечившие и убившие весь экипаж «Паруса», её друзей и близких. Сколько желаний, надежд, мечтаний погребено на этой планете?

Сколько светлых устремлений оказалось погребено под уродливыми телами ужасных монстров? Ради чего это всё? Почему природа этого казавшегося загадочным и таинственным мира была так жестока к ним, путешественникам космоса? Чем они провинились перед страшной неумолимостью инферно? Неужели у неё, у этой матери кровавого совершенства, нет ни капли сочувствия, сострадания, жалости к своим детям?

Кейса почувствовала всю свою ненависть к инферно. Почувствовала, что никогда она ещё не была так зла на весь мир и так безжалостна к его законам. Да, они борются с неизбежностью смерти, страданий и боли на Земле, борются успешно, загоняя инферно в глухие уголки планеты и человеческой души, но здесь? Здесь они бессильны, и тринадцать человек полегли в неравной битве с равнодушной планетой. Да, природа не может быть за кого-то, она должна сохранять равновесие жизни, но в чем же смысл? Должен же быть в этом хоть какой-то смысл???

Задумавшись, Кейса не заметила, как ушла на километр от корабля, спустившись в низину. Одному чёрту ведомо, кто здесь хозяйничает. Действительно, ведь все эти создания — это дьяволы, черти, реальные воплощения страхов тысяч и тысяч поколений. От нас зависит, одержат они победу или нет, от нас зависит, будут они пить нашу кровь, или убегут прочь, не выдержав честного и бескомпромиссного сражения.

* * *

Кейса остановилась. Идти дальше не было смысла, да и звездолёт должен был уже разгерметизироваться, выпустив опасных тварей наружу, в их родные просторы. Просторы, чужие для неё, землянки, опасные и смертельные, но родные для них, кем бы они ни были.

Кейса отбросила экзоскелет, села, поджав под себя ноги. В рюкзаке то, что не понравится крестам и медузам. В рюкзаке то, что сможет оборвать их жизнь, заполненную не творчеством, не исканиями правды, не поиском неизведанного, а тупой борьбой между собой, пожиранием плоти и ломанием костей. Как изменить этот порядок здесь? Как исправить устоявшийся ход событий?

Кейса надеялась, что те, кто последуют за ними, в этом разберутся. Она была уверена в том, что корабль найдут, что звездолёт не утонет во мраке вечности...

С открытым сердцем и чистой душой она достала из рюкзака все оставшиеся запасы взрывчатки, взятые с корабля. Всё было просто — резко дернуть за кольцо, и будет красиво. Будет ярко. Будет эффектно.

Она чувствовала приближение чудовищ, хотя и смотрела лишь в бездонную черноту, не отрывая взгляда. Вот громадный крест идёт сзади, осторожно подкрадываясь, привлечённый светом фонаря на её шлеме. Вот его собрат, почуяв плоть, движется с другой стороны. Рыщут по следу и приближаются медузы с корабля, понявшие, как легко можно полакомиться новыми гостями. Их братья и сёстры движутся с юга.

А она, Кейса, сидит в темноте, одинокая, но не сломленная, сидит как символ неудавшейся жизни, как огонёк надежды в мрачном мире безжалостных убийц.

Вот они уже в ста метрах. Быстро движутся к ней, окружая в кольцо. Семьдесят. Пятьдесят. Ещё рано, ещё нельзя. Спокойно, Кейса, ты не зря прожила свою жизнь. Ты любила и страдала, помогала и мечтала, стремилась и достигала. Ты боролась за всех, и боролась за себя. Ты не зря родилась, и не зря отдаёшь свою жизнь. Вселенная примет твою душу, и ты никогда не будешь забыта. Светлая, лёгкая Дочь Земли, Мать всегда будет помнить о тебе.

Кейса закрыла глаза. Монстры были уже близко, были на расстоянии протянутой руки. С нервным трепетом девушка нащупала холодное кольцо взрывателя, на секунду ощутила леденящее прикосновение смерти и изо всех сил дернула кистью...

Безмолвные жители странного мира в этот вечер наблюдали то, что никогда прежде не видели раньше. Их маленький мозг не мог оценить всю красоту мощнейшего взрыва, вознесшего ввысь, в небеса душу земной красавицы. Этот невиданный доселе фейерверк завершил очередную главу противостояния двух сил, борьбы двух начал, не могущих жить друг без друга, и в то же время сражающихся без конца. Разум и интуиция, расчёт и творчество, человек и природа. Ослепительная вспышка посреди мрака, огонь в холоде бесконечной ночи.

Прощай, Кейса, мы будем помнить о тебе всегда! Прощай, подруга, и пусть твоим спутником станет вечность! Да будет так!

* * *

Несколько секунд спустя в чёрное небо планеты Железной Звезды ракета-передатчик отправила сообщение, которое будет обязательно принято жителями Земли:

— Я Парус, я Парус, иду от Веги двадцать шесть лет. Наш корабль потерпел катастрофу. Всего необходимого для жизни достаточно. Буду ждать на планете в системе Железной Звезды – район 344+2У. Четыре планеты Веги совершенно безжизненны. Ничего нет прекраснее нашей Земли. Какое счастье будет вернуться!

(1) В повести использованы термины из романов Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час быка»

Максим Михайлов, Красноярск, 2012-2014 год



Сергей Крайнев, «Остался один».

Бет Лон



Дона Мом полусидела-полулежала на упругом удобном кресле родильной палаты, широко расставив стройные загорелые ноги. Она прекрасно помнила все рассказы о том, как важна психологическая подготовка к родам, что на самом деле боль, испытываемая во время этого священного таинства появления новой жизни, вовсе не так сильна, во многом продуцируется корой головного мозга

вследствие стрессовой обстановки и легко переносится подготовленным к ней телом. Но её бёдра были уже среднего, таз недостаточно широк, а относительно крупная головка младенца неприятно давила на прямую кишку и низ живота, заставляя женщину неистово желать, чтобы эти часы мучений поскорее закончились. Дона не могла сдержать вырывавшиеся из горла душераздирающие стоны, несмотря на утешения и поддержку доброй и заботливой медсестры. Малыш рождался с невероятным трудом. Его крупное тельце буквально разрывало органы Мом, покрывшейся с головы до пят крупными каплями пота. Опытная акушерка и медицинские роботы-автоматы контролировали весь процесс от начала и до конца, изредка помогая молодой роженице и вводя обезболивающие инъекции. Ничего не помогало. Она в беспамятстве металась по приятному на ощупь слегка структурированному покрытию кресла, не замечая его удивительного комфорта, а чувствуя лишь режущую невыносимую боль. Адская пытка разрубала на куски всё её тело. К рефлекторному непроизвольному сокращению гладких мышц матки присоединилась совместная работа поперечнополосатой скелетной мускулатуры брюшного пресса, диафрагмы, тазового дна. Наконец младенец полностью появился на свет, врач, принимавший роды, дождался отделения плаценты и оболочек от стенок матки и рождения последа, старательно обработал промежность Доны заживляющим раствором Б314¹, подшил растерзанные органы. Не выдержав невероятного напряжения, вымотанная до предела новоиспечённая мама потеряла сознание.

Новорождённый отчаянно кричал, его крохотные лёгкие наполнялись прохладным воздухом операционной, внимательная помощница врача, обследовавшего Дону, уверенно и нежно подхватила маленького человечка и понесла его в специально подготовленный медицинский бокс. Новая жизнь... Какой она будет? Кем станет этот крохотный комочек, только что пришедший в

¹ В рассказе использованы термины из романа Ивана Ефремова «Туманность Андромеды».

громадный мир? Простым работником, трудящимся во благо общества? Художником или музыкантом, пытающимся поймать едва намечающиеся контуры Нового Искусства Будущего? Учёным, раздвигающим горизонты познания?

Дону приводили в сознание несколько минут, применив все возможные средства пробуждения. Очнувшись, она сразу попросила взять на руки только что родившееся дитя. Крупный ребёнок, сморщенный, с небольшими мешочками под неосознанными глазками, реденькими волосиками на большой относительно тела головке, прося материнской защиты, инстинктивно потянулся коротенькими ручками к лицу Мом, прижался к голой груди и дотронулся пальчиком до напряжённого соска. Пережитая боль заострённым лезвием надрезала нервы Доны, заставила переосмыслить жизнь, изменить своё сформированное внешним окружением и навязанное извне отношение к подготовке и становлению Нового Человека. Нет! Она никогда не отдаст его специально отобранным и обученным воспитателям! Слишком дорого он ей достался. Слишком многое пришлось потерять, от многого отказаться ради того, чтобы держать в своих слабых женских руках невероятно уязвимого и такого беззащитного мальчика. Она поедет на остров Матерей — Ява, и сама будет обучать его грядущим непредсказуемым перипетиям взрослой жизни. Излишняя родительская забота — не помеха для правильного и грамотного воспитания, и их совместные усилия будут наполнены счастьем и радостью творческого общения друг с другом.

Малыш открыто и доверчиво посмотрел в бездонные глаза мамы, смешно скривил губки и тут же уснул. Дона прижала его к сердцу, поклявшись больше никогда и ни за что не отпускать...

Двухлетний малыш был крупнее и выше других детей сообщества матерей острова Ява, приютившего всех женщин, желающих воспитывать ребёнка самостоятельно. Беззаботный и весёлый, он носился по вершине большого утёса, с которого открывался обзор простиравшейся до самой линии горизонта сверкающей глади морской солёной воды. Океан внизу бурлил, свистел и шипел, волны взрывали его стеклянистую поверхность и разбивались об изрезанный временем каменистый склон. Хмурые тучи низко висели над бескрайними, протянувшимися с востока на запад, колоссальными массами ревущей воды. Дона подумала, как сильно её сын похож на отца. Мант Рог погиб ещё до рождения Бета при постройке нового спутника связи на околоземной орбите. Глупая и нелепая смерть от случайно пролетевшего рядом метеорита. Дона понимала, что это неизбежность, что таких жертв в истории Эры Великого Кольца сотни, если не тысячи, но не смогла смириться с неотвратимостью утраты. Женщина часто вспоминала его квадратное добродушное лицо, тёплые карие глаза, прямой ровный нос, тонкие, всегда сжатые губы. Её спутник много раз приходил к ней по ночам, в тревожных и тягучих снах. Она так и не смогла забыть его, хотя, безусловно, понимала, что от этого ей становится только хуже.

Оглушительный возглас близкой подруги пробудил женщину от причиняющих страдания дум. Маленький сын Доны подбежал к самому краю крутого обрыва, рискуя немедленно свалиться в ужасающе глубокую, развёрзнувшуюся преисподней для двухлетнего малыша пропасть. Дона видела всё как в замедленной видеосъёмке. Она вскочила с места, подключив на все сто процентов резервы истощённого непрерывной заботой и неусыпным контролем, но ещё сохранившего остатки былой жизненной силы, организма. Ребёнок пошатнулся, не удержал равновесие и медленно, как ей казалось, страшно медленно полетел вниз. Дона прыгнула вперёд, распласталась на животе и проскользила до края обрыва, не замечая, как скальная ребристая поверхность

утёса лохмотьями срезает кожу, хлёстко выбросила руку в гудящую пустоту, цепко схватила родного человечка за тоненькую ножку и рывком выдернула на влажный песок сформированной природой естественной площадки. Детский беспомощный плач ревущими струями сбил гипнотическое оцепенение, охватившее группу матерей, вышедших на прогулку со своими неугомонными чадами.

Вытащив сына из губительной бездны, Дону настигла нервная реакция. Она неистово прижала мальчика к своей груди, не обращая внимания на его непрерывные попытки вырваться. Глаза пережившей смертельный ужас женщины остекленели, и только помощь находившихся рядом подруг позволила выжить ребёнку, сдавленному Доной до невозможности дышать от страха его неминуемой потери...

Прошло восемь лет. Десятилетний Бет Лон беспечно гулял по Острову Матерей, встречал знакомых мам и детей, наслаждался солнцем, дождём, танцующей в потоках поднимавшегося влажного воздуха радугой и не мог осознать страданий его преждевременно состарившейся от исключительных для жителя Эры Великого Кольца переживаний матери. Её жизнь не была сложной, насыщенной событиями, героическими подвигами и беспрестанными поисками нового, но неуравновешенная психика, подсознательное недоверие к людям, возникшая вследствие этого моральная травма и телесная слабость привели к постепенному разрушению неустойчивого равновесия увядающего организма.

Конечно, Бет многого ещё не осознавал. Окружающий мир казался большим и прекрасным, предстоящий трудный, но интересный путь сулил множество неповторимых приключений и загадочных открытий. Перед ним были распахнуты все двери, и подросток надолго замечтался, представляя завтрашние победы и вдохновляющие дела. Расположенные неподалёку давно потухшие вулканы изумрудно-коричневыми мятыми шапками выпирали из

плодородной земли. Хотелось высоко прыгать и далеко бежать, избыток физической силы, рано начавшееся половое созревание переполняли грудь бешеным стремлением выплеснуть накопившуюся внутри звериную энергию. Юный Бет Лон взял в руки пятикилограммовое легкоатлетическое ядро, которым часто баловался, тренируя свою изумительную ловкость и невероятную удачу. Он прислонил ядро к выпуклой пластине невероятно сильной для подростка грудной мышцы, закрутился на месте волчком и коротким взрывным движением направил небольшой шар высоко вверх и слегка вперёд, желая проверить, насколько высоко он сможет его подбросить. Взгляд Бета устремился следом за спортивным снарядом, и тут краем глаза он заметил бежавшую поперёк расстеленной природой вдоль плоскогорья покрывала из светло-жёлтых цветов девочку в сиреновом платье. Королевская примула, цветение которой когда-то предупреждало многочисленных жителей острова о приближающейся опасности — губительном для всех извержении вулкана, — была распространённой растительной культурой среди разнообразной флоры, прижившейся на тропическом острове. Бет Лон был недалеко от девочки и мог наблюдать её развевавшиеся от быстрого бега тщательно заплетённые косички, милый курносый носик и ясные глазки с тонкими ресничками. Он молниеносно высчитал в уме траекторию падения брошенного им в голубое безоблачное небо стального ядра, и сообразил, что оно камнем опускается прямо на ничего не подозревающего беззащитного ребёнка. Холодный пот выступил на лице впервые встречавшегося с чудовищным невезением подростка, он страшно испугался, но в страстном желании спасти невинное дитя кинулся в сторону девочки. Увесистый сверкающий шар неумолимо снижался, малютка замерла, как делают пугливые зайчики в случае приближающейся опасности, закрыла личико тонюсенькими ручками, присела на корточки. В самый последний момент Бет допрыгнул до неё, схватил за поясok платья, увлёк дрожащими руками в

ближайшую кучу недавно срезанной старательными работниками острова свежей травы, прижал её своим телом и накрыл голову руками, приготовившись к самому худшему. Звон удара ядра о торчащий из почвы кривым углом кусок вулканической породы заставил вжать голову в плечи, содрогнуться от неожиданности, животный страх холодком пробежал по покрывшейся мурашками спине. Отполированный до блеска металлический шар отскочил в сторону, просвистел в долях миллиметра мимо виска мальчика, пару раз подпрыгнул и прокатился далеко вперёд, примяв группу одиноко растущих белых эдельвейсов, напоминающих звёзды с хаотически расположенными лучиками. Почувствовав дурнотное ощущение прошедшей мимо смерти, подросток разразился всхлипывающими рыданиями, перевернулся на спину и сжался в бесформенный, непрерывно вздрагивающий комок. Девочка, не понявшая и не осознавшая, что произошло, пребывавшая в шоке от случившегося, испуганно вскочила и стремглав побежала в направлении недавно построенного жилого комплекса для маленьких учеников нулевого цикла.

...Наспех расставленное в небольшой комнате оборудование создавало жуткий беспорядок. Бет Лон торопился. Ласт Хоп оставался его последней надеждой, единственным сохранившимся добровольцем из группы в двенадцать человек, одиннадцать из которых уже были ранее отправлены математиком в неизвестные параллельные измерения, о существовании которых наука и не могла предположить. Учёный чувствовал, что удача близко, знал, что этот смелый парень сможет отправить весточку «с того света», а также вытянуть обратно всех, оказавшихся по ту сторону нашего мира. Он быстро подключал всевозможные провода к идеально подобранным разъёмам, нажимал круглые литые кнопки, поворачивал тугие рычажки. В центре комнаты располагалась прямоугольная невысокая платформа, светящаяся по краю неоновыми светло-

зелёными огнями. Прозрачная граница перехода в параллельное измерение заколебалась, стала темнеть, превратилась в стену кирпичного цвета с разбросанными в непредсказуемом порядке волнистыми трещинами сливово-фиолетового оттенка. Бет Лон включил яркий ослепительный свет.

Ласт Хоп уверенно натянул тонкий серый костюм с герметичными застёжками, проверил крепления на рукавах, взял в руки лёгкий, практически невесомый, прозрачный шлем.

— Я готов, Бет!

— Отлично! Запускаем через минуту.

Бет Лон в лихорадочном волнении перепрыгнул через стоявший прямо перед ним конденсатор электромагнитного заряда, схватил со стола небольшую тонкую пластину голубого цвета с аккуратно вставленным в заранее подготовленное отверстие крестиком переключателя, передал бесстрашному добровольцу.

— Это аппарат для связи. Как только окажешься на той стороне, нажми крестик. Я зафиксирую поле. Товарищи не должны были далеко уйти, мощности установки хватит на тридцать секунд. Ты схватишь их, свяжешь слабым электрическим разрядом друг с другом через сцепленные пальцы рук и вытянешь обратно. Справишься?

— Постараюсь!

Ласт Хоп надел шлем, щёлкнул соединительным устройством-замком, потёр окоченевшие от холода кисти. В комнате было очень холодно, чтобы взаимодействию силовых полей не мешали ускоренные колебания микрочастиц казавшихся неопределёнными квантовых состояний. Бет Лон подал незаметный знак добровольцу. Тот повернулся к бордовому, уже превращавшемуся в цвет засохшей крови, искусственному барьеру. Глубоко

вздыхнув, Ласт Хоп шагнул в неизвестность. Преграда поддалась усилиям, и доброволец удивительно легко провалился сквозь практически почерневшую стену.

В то же мгновение его тело наполнилось космической лёгкостью. Невесомое, оно парило в невидимой субстанции, словно летящая на немыслимой высоте дерзкая птица. Свобода этого невероятного полёта опьянила добровольца, обволакивая полностью расслабившегося человека, раскинувшего руки в головокружительном падении. Все мысли и чувства, любые возможные и невозможные ощущения исчезли из сознания Ласта Хопа, оставив только созерцание покоя, наслаждения и радости. Счастливая улыбка принесла умиротворение на его напряжённое лицо, как кисть художника уверенными мазками мечту о светлом будущем на грубый и жёсткий холст. Ласт не мог сопротивляться несущему его в неведомое живительному потоку. Казалось, он растворяется в мягком и пушистом, но вместе с тем абсолютно не ощущавшемся кожей прозрачном материале. Беспредельность была везде, и ставшая мутно-белёсой колыхающаяся масса обнимала его, как любящая девушка, целовала и ласкала. В потоке этого невероятного удовольствия доброволец терял собственную индивидуальность, становясь частью нечто большего, коллективного организма, неземного разума и галактической необъятности.

Сладостное блаженство закончилось с той же внезапностью, как и началось. Хопа словно выдернули из уютной постели, вырвав из крепких объятий чудесного сна. Восстановившееся после забытья зрение проткнули насквозь контуры неясных очертаний, раздробленных форм, бесцветных комбинаций и бессмысленных оттенков. Доброволец словно оказался внутри больного рассудка психопата, сходявшего с ума посреди оживлённой улицы. Он не понимал, что это и где он находится. Никакой чёткости, никакой логики, никакой последовательности не было в этой области безобразного безумия. Он огляделся

вокруг, но ничего не увидел. Абсолютно ничего. Ни света, ни тени, ни формы, ни размера. Ласт не замечал красок и не разбирал звуков. Внутренние органы человека первыми стали сопротивляться странным законам этого сумасшедшего мира. Они горели изнутри, сжигаемые неизвестным, проникающим вглубь естества смертоносным излучением. Сердце, желудок, кишечник, кости, мышцы, лёгкие будто растворяло невидимой, всё выжигающей кислотой. Ласт Хоп становился пустым, он реально исчезал из самой сути своего существования. Физическое и материальное уничтожение слилось с нравственным и духовным, невозможная невидимая сила схлопывала его внутрь самого себя в несуществующую гипотетическую точку. Становясь частью бессмысленно нереального, он терял не только рассудок, он утрачивал своё материальное тело и нематериальный информационный след. Человек безвозвратно испарился в параллельном пространстве, построенном на таких разрушительных и деструктивных принципах, внутрь которых отражавшая нашу настоящую реальность мысль никогда не смогла бы проникнуть, и просто нахождение в котором противоречило самой основе движения, размножения и вещественности бытия.

Бет Лон судорожно дёргал за ручки приборов электромагнитного сдвига, что есть силы стучал кулаком по резонансному отражателю, вдребезги разбил зеркальные полимеры на квантовых экранах. Всё тщетно! Ни одного, даже самого малейшего, ответа от его некогда пышущей молодым задором и неутомимой жизнью команды не последовало. Они молчали. Молчали, сгинули в неизвестности, как древнегреческие герои в царстве Аида. Учёный мгновенно осознал всё...

Математик знал: расплата неминуема. Он слишком поздно это понял, он не сумел вовремя остановиться, подставив под удар не только любивших его

людей, но и собственную совесть. В отчаянии от невозможности всё исправить он стал крушить сложнейшую, созданную усилиями множества людей, аппаратуру, ломать чрезвычайно сложно устроенные испытательные камеры, разбрасывать усилители вихревых потоков. Не в силах сдержать гнев, Лон дал ему возможность управлять собой, надеясь избавиться от гнетущего чувства непомерной вины за произошедшее.

...Учёный не мог принять только что завершившегося над ним суда. Они не верили ему. У него не было доказательств. У него не было оправданий. Да, он сумел убедить Совет Чести и Права, сумел открыто и честно, не пряча глаз, рассказать всей планете, что уверен в успехе, что отправленные им в параллельное измерение отважные храбрецы странствуют там живыми и здоровыми, но верил ли он сам в это? Или это всё порождение его больного рассудка шизофреника, не сумевшего научиться тому, что светлая мечта без надёжной основы всего лишь нереальный мираж, сметённый дуновением слабого ветерка воздушный замок. Приговорён к изгнанию... Что это значит? Ему нельзя будет вернуться в Большой Мир? Он теперь изгой, изуродованный неудачей калека, растоптанный закончившимся катастрофой опытом, нищий духом ничтожный убийца? Такого он ожидал, начиная свой путь учёного в заоблачные дали безграничных исканий? Справедливо ли поступили с ним, не дав возможности всё исправить?

Но как? Как он может это сделать? Академия Пределов Знания отвергла все его теоретические построения. Да, он знает, он чувствует, что прав, но что толку? Смириться? Нет, он этого никогда не сделает. Не позволит никому, пусть даже всему человечеству, управлять его волей и разумом. Они решили так — пусть так. Теперь он будет жить ради себя и только для самого себя. Они разочаровались в нём, он разочаровался в них. Они бросили его в тяжелейший

момент рискованного испытания, на пороге невиданного открытия, на краю необычайного триумфа и невиданного успеха. Но себя он не бросит.

Бет Лон уверенно шагнул в мучительную неизвестность...

Увеличенный в два с половиной раза солнечный диск сиял невыносимо ярко, несмотря на мощные светофильтры внешних экранов, берегущие чувствительные человеческие глаза. Бет Лон смотрел на звезду, подарившую жизнь человечеству, и не понимал, как такое могло произойти с его жизнью. Десять лет, проведённых на Меркурии, казались вечностью. Его присутствие не требовалось для автоматических независимо работавших от людей механизмов, добывающих на первой планете Солнечной системы драгоценные для земной промышленности металлы. Существовать здесь можно было только глубоко под поверхностью, скудная пища не обеспечивала потребностей здорового человека, а клейкое одиночество психологическим прессом давило все направленные ввысь устремления. Бет Лон был близок к отчаянию. Меркурианские сутки равнялись ста семидесяти шести земным, ввиду особенностей движения этой быстрой планеты вокруг Солнца и своей оси продолжительность меркурианского дня, как и ночи, равнялась продолжительности года. Один нестерпимый, тягостно тянувшийся целый меркурианский год день, одна ледяная, остановившая течение времени на год ночь. Наблюдая бесконечно одинаковый пейзаж, лишённый привычного человеческого общения, Бет Лон медленно сходил с ума. Пару раз ему хотелось взять лёгкий биологический скафандр и выйти в нём на сжигаемую солнечным излучением и изрытую метеоритными кратерами мёртвую пустыню. Иногда он тайно пробирался на теневую сторону Меркурия и двигался многометровыми прыжками, глядя вверх в безжизненную космическую бездну, полную бесчисленных звёзд. Временами теряя ориентацию в пространстве, падал на громадные зубчатые откосы, простирающиеся на сотни

километров и называемые эскарпами, скатывался на дно многокольцевых гигантских воронок, рискуя нарушить герметичность скафандра, пока его не одолевала жуткая усталость и обогревательная система защитного костюма не начинала противно визжать скрипучими тонами. Он играл со смертью в прятки, но эта легкомысленная и ветреная особа всё никак не приходила для того, чтобы забрать его к себе. Вынужденное безделье выворачивало наизнанку его жаждущий фанатичной работы мозг, а жестокий запрет участвовать в земной жизни разрывал сознание вопиющей несправедливостью. Бет Лон бросил взгляд на занимавший всю стену светящийся мягким рассеянным светом электронный календарь, запомнил дату следующего прибытия на Меркурий регулярным рейсом планетолёта с запасами воды и пищи, встал и решительно направился в своё тесное меркурианское убежище для того, чтобы собрать немногочисленные вещи. Настало время вернуться...

Высокий мускулистый человек, не глядя по сторонам, шёл по грунтовой дороге Острова Забвения. Обнажённый до пояса, он играл грудными мышцами своего могучего торса, покрытого седыми короткими волосами. Кубическая громоздкая голова Бета Лона на короткой толстой шее возвышалась над широкими плечами, высокий лоб мыслителя прорезался бороздками расходящихся в разных направлениях по всему лицу глубоких морщин. Острые глубоко посаженные глаза находились неестественно близко друг к другу, и от этого облик угрюмого человека казался зловещим и мрачным. Математик изо всей силы пнул большой камень, лежавший на дороге. Камень резко взлетел в горячий прозрачный воздух, несколько раз перевернулся вокруг своей оси и упал в росшую на обочине густую траву, издав глухой, едва слышный, звук. Годы, проведённые Бетом Лоном на Острове забвения, тянулись очень долго — бесконечно долго. Он сам был похож на камень — мёртвый, пустой и

бессмысленный. Три десятилетия скитаний отвергнутого учёного по Солнечной системе не прошли для него без последствий. Сердце Бета Лона обросло грубой и прочной оболочкой агрессивного равнодушия, душа закрылась наглухо в непроглядном мраке. Ничего не радовало бывшего мечтателя, смелого учёного-первопроходца, в своё время горевшего безумной идеей нового мира, мира, расположенного настолько близко к нашему, что стоило лишь протянуть руку, и вот он, этот мир, как на ладони. Бет Лон превратился в заржавевший меч, который вместо того, чтобы разрезать скрывавшую мир внешнюю оболочку, понять устройство мироздания и суть вещей, плашмя бил его самого, разочаровавшегося в науке и человечестве учёного, оставляя на огрубевшей от горя коже грязные следы истлевшего металла.

В небольшом городке острова располагалась спасательная станция. Бет Лон прошёл мимо белоснежного входа многоэтажного здания цилиндрической формы, завернул за угол мимо похожих на хижины домов и очутился на небольшой площадке, устланной мягким покрытием из искусственной шерсти, напоминавшим ворсистый ковёр с фантастическими узорами. Чуть поодаль, возле огромного дерева, свисавшего своими толстыми, усыпанными ярко-зелёными листьями, ветвями практически к земле, заслонённая от слепящего солнца, стояла невысокая девушка. Короткая алая юбка начиналась от невероятно узкой талии и заканчивалась на середине бархатных, покрытых медным загаром, широких бёдер. Вместо блузки её тело закрывала полоска ткани с пёстрым узором, туго намотанная крест на крест. Тонкие надетые на запястья браслеты тихо звенели от малейшего движения обнажённых рук. Смуглое круглое личико девушки было сосредоточено на размышлении, большие серые глаза смотрели как бы сквозь пространство, грустно остановив взгляд на высокой стене спасательной станции густого молочного цвета. Тёмные волнистые волосы

развевались лёгким ветром, путаясь короткими завитками и изредка касаясь невысокого лба и нежной кожи щёк.

Бет Лон облизнулся, как безжалостный хищник, предвкушая лёгкую добычу. Девушка казалась совсем маленькой и ничтожной в сравнении с ним, огромным монстром из выдающихся мышц, буграми перекатывавшихся под плотной кожей. В несколько шагов он настиг незнакомку и властно спросил:

— Как тебя зовут?

Девушка вздрогнула и испуганно подняла широко раскрытые глаза с затрепетавшими ресницами. На две головы ниже математика, она была вынуждена тянуться доверчивым лицом ребёнка к массивной челюсти бывшего учёного, чтобы его разглядеть.

— Онар... — едва успев ответить, девушка почувствовала, как жёсткие губы незнакомца врезались в её нежные губы, твёрдый, но упругий шершавый язык проник в глубину её маленького рта, а громадные руки мужчины схватили круглые ягодицы молодой женщины, приподняв её над землёй. Невиданное желание и одновременно отвращение овладели Онар, она невероятным усилием смогла вырваться и быстро пойти в сторону густой рощи кустарников, воспользовавшихся замешательством Бета Лона, никогда в своей жизни не встречавшего такого сопротивления, тем более от неожиданно неустрашимой и отважной девушки. Сквозь чащу ничего разглядеть было нельзя, и математик побрёл наугад через непроходимые джунгли этой части острова...

Он нагнал её на дороге возле небольшой рыбацкой деревушки. Беспрестанно оглядываясь, Онар не ожидала, что насильник неожиданно выскочит из надвигавшегося неприступной стеной мрачного леса. Стремительно набросившись на жертву, математик затащил её в пахнущие терпким ароматом

мускуса редкие кусты, навалился на сопротивляющуюся девушку всем телом, попытался стянуть юбку, зажав мозолистой рукой рот, и развязать подтягивавший грудь платок. Однако незнакомка, скрестив руки, случайно ударила его локтями прямо в солнечное сплетение. Математику стало трудно дышать, спазм диафрагмы ослабил звериную хватку, после непродолжительной борьбы он поймал Онар за ногу, но та сумела отбиться и убежать. Взбешённый Бет Лон, придя в себя после удара под дых, в ярости извергал слова древних проклятий. Он никогда не останавливался ни перед чем. Ради собственных эгоистичных желаний он угробил свою жизнь, жизнь преданных ему людей, испортит жизнь и ей, Онар, этой беззащитной в своей юности, хрупкой и притягательной девушке. Поднявшись, он пришёл в себя, отдышался и продолжил неумолимую погоню за отказавшейся стать его сексуальной рабыней незнакомкой в красной юбке.

...Бет Лон преследовал Онар от пятого посёлка. Никогда ещё на Острове Забвения никто не противился его могучей воле. Только эта девушка посмела сопротивляться, в своей святой наивности взбесив бывшего учёного. Много женщин Острова стали сексуальными жертвами страшного математика. Многих он брал силой, но они, смирившись со своей участью, послушно подчинялись. В конце концов, им это даже нравилось. Поддаваясь странному гипнотическому влиянию Лона, они отдавались ему, а потом забывали произошедшее. Так продолжалось годами, количество безымянных жертв исчислялось десятками, и никто не догадывался о том, что происходит. Только Онар оказалась не внушаемой. Что-то необъяснимое было в этой странной, казавшейся беспомощной, девушке, тем не менее ставшей крепче камня и твёрже стали в своём сопротивлении неизбежному.

В маниакальном упрямстве Бет Лон шёл вперёд по тропинке, не обращая внимания на мешавший передвигаться кустарник. Возле выхода из леса тропа поворачивала налево, и учёный неожиданно вышел на широкую равнину, покрытую ковром из золотисто-жёлтых и бледно-лиловых цветов. Математик не обратил на них совершенно никакого внимания, зато сразу услышал звон браслетов, увидел Онар и крепко державшего её за руку темнокожего человека. Африканские черты лица, высокий рост, атлетическое сложение незнакомца поразили Бета Лона, не встречавшего на Острове Забвения подобных пылающих жизнью людей, но ещё больше учёного поразил взгляд его спокойных ясных глаз. Блестящая кожа молодого африканца искрилась на солнце, ноги ступали мягко и вкрадчиво, выдавая умелых охотников в его несомненно выдающейся родословной. Впрочем, этот совсем ещё юноша вряд ли сможет противостоять ему, закалённому в ненависти ко всему земному, испытывшему горечь невыносимых поражений, грозному Бету Лону.

— Стойте! — властный голос математика громом прогремел по равнине, заставив замереть мелких грызунов, прятavшихся в траве.

Чернокожий африканец не шелохнулся, не вздрогнул и не побежал прочь. Напротив, он ступил вперёд и заслонил своим мускулистым торсом молодую девушку. Изумлённый до глубины души Бет Лон на секунду замешкался, однако тут же подошёл к незнакомцу и резко толкнул его руками, вложив в это движение всю доставшуюся ему от предков генетически, а также наработанную годами тренировок, мощь. Но высокий атлет даже не сдвинулся с места. Взбешённый математик резко сжал кисть в кулак и молниеносно ударил незнакомца в лицо. Раздался вскрик Онар, полный горького отчаяния. Незнакомец пошатнулся, устоял на ногах, но внезапно бросился на Лона. Учёный уклонился и нанёс африканцу удар коленом в живот, заставив того согнуться пополам, после чего добил падающего темнокожего смельчака локтем по затылку. В этот момент

Онар стремительно рухнула на колени, пытаясь закрыть молодого незнакомца своим юным, вызывающим животную страсть Бета Лона, телом. Математик возбуждённо зарычал, торжествуя над жертвой. Он схватил Онар, заломил её руки так, что локти развернулись назад, тело страдальчески изогнулось крутой дугой, рыдания девушки пронзили безмолвие тропической поляны. Бет Лон наслаждался беспомощностью Онар, её ярко-красным от стыда и бессилия цветом кожи, её горевшим изнутри гневом, понимая, что через несколько минут она будет стонать и извиваться под его тяжёлым телом, доставляя ему несказанное удовольствие. Он будет трахать её смачно, эту спелую сучку, посмевавшую противиться ему, великому учёному, открывшему параллельный мир и получившему за это лишь презрение и непонимание. За ту боль, что он перенёс, что испытывает сейчас, все понравившиеся ему женщины должны быть у его ног, никто не смеет ему отказывать. Никто! Лицо Бета Лона исказилось от остервенения, на несколько мгновений он утратил над собой контроль и забыл о находившемся рядом молодом африканце.

В этот момент темнокожий противник поднялся, бросил быстрый взгляд на математика, намереваясь ударить, и вдруг резко отшатнулся, выпрямившись.

— Бет Лон! — громкий голос незнакомца свистящим бичом ударил в уши математику. От неожиданности он отпустил Онар, посмотрев прямо в лицо темнокожему наглецу, неожиданно узнавшему его. Кто это?!

— Бет Лон, я много думал о встрече с вами, считая вас собратом по несчастью, — крикнул африканец, — но никогда не представлял, что это будет так!

— Как так? — Бет Лон постарался придать голосу как можно больше наглости. Глаза его загорались злобой, злобой на весь мир, злобой на людей, лишивших его любимого дела, злобой на всю Вселенную, Вселенную его бесконечных страданий и безграничного отчаяния.

Незнакомец провёл рукой по воздуху, будто отстраняясь.

— Зачем пустые слова? В том мире вы не произносили их и действовали пусть преступно, но во имя большой идеи. А здесь во имя чего? — сказанное темнокожим юнцом врезалось в мозг раскалёнными кинжалами, доставляя Бету Лону нестерпимую боль.

— самого себя, и только самого себя! — учёный сжал зубы, презрительно, словно сквозь забор, бросая острые, колючие слова в незнакомца. — Довольно я считался с другими, с общим благом! Всё это не нужно человеку, как я понял. Это знали и некоторые мудрецы древности.

Но африканец был неумолим. Он прервал математика.

— Вы никогда не думали о других, Бет Лон. Уступая себе во всём, кем вы стали теперь — насильник, почти животное!

Жгучая ярость вскипала внутри учёного, и только прожитые годы сопротивления злобе позволили ему сдержаться, не набросившись на незнакомца.

— Довольно, вы говорите слишком много!

— Я вижу, что вы утратили слишком много, и хочу...

— А я не хочу! Прочь с дороги!..

Но молодой африканец и не думал сдаваться. Он стоял как вкопанный, с наклоненной вперёд головой, словно намереваясь пробить невидимую стену. Дрожавшая всем телом Онар прикасалась к нему плечом, и Бет Лон чувствовал, что незнакомец не отступит. Решимость его наполненных пламенем глаз пробила толстую оболочку слепой агрессии жестокого математика, заставив отпустить путников.

— Идите, — Бет Лон отступил в сторону от тропинки, шумно выдохнув застрявший в лёгких воздух.

Незнакомец крепко сжал кисть Онар и повёл через заросли кустарника. Бет Лон не сводил глаз с темнокожего мужчины и его спутницы. Ненависть к свободным не разочаровавшимся в жизни и гордым людям пронзала его всё медленнее соображающий в связи с неуклонным приближением старости мозг. Вдруг незнакомец настолько стремительно остановился, что Онар врезалась в его спину, продолжив движение по инерции.

Не оборачиваясь, темнокожий африканец чётко, спокойно и без злобы произнёс:

— Бет Лон, вернёмся вместе в Большой Мир!

Математик постарался прикрыть смехом собственное бессилие, самоуверенно бросив незнакомцу горькие слова отчаяния:

— Кто вы такой, чтобы предлагать мне это? Знаете ли вы?..

Чернокожий атлет мгновенно ответил:

— Знаю. Я тот, кто также сделал запрещённый опыт, погубил доверившихся мне людей. Я шёл близко от вашего пути в исследовании, и мы... Вы, и я, и другие уже накануне победы! Вы нужны людям, но не такой...

Ошеломлённый Бет Лон сделал несколько инстинктивных шагов навстречу незнакомцу, не в силах поднять глаз, но тут же овладел собой. Развернувшись в другую сторону, он повернул голову назад и грубо кинул в пространство несколько кипящих злобой слов:

— Я лучше знаю, кто я и что я! Мне не нужны люди! Мне никто не нужен!

Ничего не ответив, незнакомец пошёл по тропе в сторону пятого посёлка. Онар следовала за ним неотступно. Через несколько бесконечно долго тянувшихся мгновений они скрылись за поворотом тропинки.

Бет Лон, как подкошенный, рухнул на влажную землю, обхватив голову руками. Всё это время он считал себя правым, думал, что человечество погрязло

в трясине стабильного гнилого существования, что люди перестали развиваться, довольствуясь комфортной и глупой жизнью на пустой земле. Его затуманенный мозг отказывался видеть происходящее вокруг, он не интересовался жизнью родной планеты, не замечал великих космических экспедиций, смелых научных открытий, рискованных экспериментов. Он, Бет Лон, знал, что без угрозы смертельной опасности, без балансирования на краю пропасти не добиться успеха в головокружительных опытах. Как же слеп он оказался в собственной глупости! Он не один, и этот молодой темнокожий незнакомец, как огненный метеор, яркой вспышкой невиданной встречи вернул ему, Бету Лону, смысл его будущей жизни. Ледяная слеза вышла из глаза учёного, испарившись под жарким солнцем. Космический холод его остывшей за годы изгнания души рассеивался ласковыми лучами невиданной доселе звезды. Этот совсем ещё мальчик сделал то, что не смогло сделать человеческое общество, не смогло сделать с ним несомненно справедливое наказание, не смогла сделать наполненная ужасом и отчаянием жизнь. Африканский юноша вернул Бета Лона в лоно родной земли, заставил его задуматься над прожитыми годами, понять, чего он лишился, возненавидев весь мир за собственную ошибку. Математик повалился на бок, разрываемый накатывавшими на него волнами переживаний, не в силах остановить крупную дрожь грузного тела. Вся жизнь, весь его наполненный мучениями длинный путь пронесли перед угасающим взором, обжигая огнём нахлынувших воспоминаний. Сердце замедляло удары, стараясь облегчить страдания несчастного человека, пытаясь погрузить его в смертельные объятия забвения. Но неутомимый мозг учёного яростно сопротивлялся, не желая мириться с неумолимым. Нет, ещё не всё сделал Бет Лон на этой земле. Нет, ещё способен он служить другим и себе, служить честно и мудро, служить во славу человека и общества. Мозг Бета Лона взял под контроль не желавшее терпеть нестерпимую боль сердце, участил его удары до тридцати в минуту, отключил

сознание и провалился в липкую трясику беспробудного сна...

Бет Лон резко вскочил, почувствовав неладное. Непроглядная темнота накрыла остров, прерываемая стрёкотом бесчисленных насекомых. Надвигающаяся опасность заставила математика длинными прыжками рвануть к находившейся неподалеку маленькой речушке. Он бежал не оглядываясь, словно невидимая сила влекла его к этому месту. Преодолев несколько километров за десять минут, он замер на опушке леса, вглядываясь в закручивавшуюся мелкими водопадами, накатываясь на разбросанные по дну камни и превращаясь в бурлящую пену, прозрачную воду. Чернота ночи рассеялась узким серпиком молодой луны, и Бет Лон увидел на берегу темнокожего спасителя своей израненной осколками страданий души. Могучий африканец внимательно смотрел на речку, потом, почувствовав взгляд математика, обернулся и взглянул прямо на него, но не увидел в переплетении стволов и веток надёжно скрытую природой мощную фигуру учёного.

Незнакомец поднялся и быстро пошёл по дороге, перепрыгивая и перебираясь через небольшие возвышенности. Бет Лон неотступно следил за ним, чувствуя, что чернокожий друг скоро встретится с животной силой, которой не способен в одиночку противостоять. Мимо математика бесшумно скользнул неясный полосатый силуэт, скрывшись во тьме. Тигры? Разве они есть здесь? За всё время жизни на острове Бет Лон ни разу не встречал этих красивых сильных зверей. А ведь они могли стать его друзьями. Одиночество к одиночеству... Но нет!

Его друзьями станут не тигры, его напарником станет этот молодой дерзкий чернокожий, заново воспламенивший потушенный самим же учёным костёр стремления к научным исканиям. Это он, эбеновый дьявол, возродил его, посадил семя надежды внутри измученной души. И он поможет ему, поможет,

чего бы это не стоило! Иногда вся наша жизнь сводится к одному безумному поступку.

Грозный рык зверей раздался совсем близко. К счастью, они не замечали Бета Лона, призраком наблюдавшего за королевской охотой. Незнакомец остановился, озираясь, затем стремглав понёсся по дороге со скоростью лучших земных спринтеров. Бет Лон помчался за ним, едва успевая уследить взглядом за перемещениями мелькавших в воздухе голых пяток. Незнакомец бежал легко, красиво и бесшумно, как будто парил над землёй, и тяжёлым прыжкам математика было не сравниться со скоростью невесомых ног молодого красавца.

Бет Лон уже отставал, глотая ртом воздух. Он не мог напиться этой живительной, дающей выносливость атмосферы, в боку стало колоть, при всей своей недюжинной силе быстроты ему явно не хватало. Боясь потерять еле видневшийся в полутьме движущийся след ступней незнакомца, математик едва не запнулся о выступавший из сухой земли кряжистый корень старого дерева. Заметив свисающий практически до колен корявый сук, учёный плотно обхватил его ладонями, напряг мышцы всего тела так, что вздувшиеся от напряжения вены, казалось, вот-вот порвут натянутую кожу, и отломил непокорную ветку у самого основания. Впереди маячила большая поляна, и Бет Лон успел краем глаза заметить, как темнокожий юноша повернул туда. Следом за ним, осторожно, опираясь на мягкие когтистые лапы, поползли хищники. Незнакомец подбежал к центру поляны, увидел кучу беспорядочно разбросанных каменных обломков и схватил самый большой из них, направив острым концом в сторону приближавшихся устрашающих животных.

Собрав все остатки сил, Бет Лон пересёк поляну несколькими прыжками и, хватая ртом воздух, поднял над головой корявый сук.

— Я с тобой, товарищ!

Его крик заставил отпрянуть полосатых кошек, казавшихся чудовищами в переплетении света и тени от опускающегося за линию горизонта узкого месяца. Изумлённый юноша в восхищении глядел на Бета Лона, готового пожертвовать своей жизнью ради его спасения.

Но замешательство тигров длилось недолго. Увидев, что рядом с жертвой встал пусть и суровый, угрюмый, но всё же обычный человек, они продолжили зловещее действие с удвоенной энергией.

— Скорей! — неизвестный голос разнёсся над ночной равниной.

Внезапно жуткий треск и грохот раздался позади математика. Световые вспышки прорезали сгустившийся мрак. Он знал, что это электрические парализующие гранаты, и видел, как несколько всадников стали быстро приближаться к ним с нескольких сторон. Стыд и робость, как у маленького мальчика, поднялись из глубин подсознания. Бет Лон не смог справиться с ними, не хотел, чтобы это видели другие. Незаметно он сделал несколько шагов в сторону и назад и пропал в тёмной глубине опушки, незримо удаляясь от людей Большого Мира.

Сильный голос незнакомца настиг его в отдалении.

— Бет Лон, не уходите!

— Я приду! — математик уверенно произнёс два коротких слова, и он знал, что сдержит обещание. Пусть не сейчас. Пусть потом. Но он вернётся в родные просторы, покинутые им больше трёх десятилетий назад...

Максим Михайлов, апрель 2022 года.